

18+

МУЖЧИНА — ЭТО ВЫЖИВШИЙ МАЛЬЧИК

Андрей Ипатов

Андрей Ипатов

**Мужчина — это выживший
мальчик. Книга для
родителей детей-непосед**

«Издательские решения»

Ипатов А.

Мужчина — это выживший мальчик. Книга для родителей детей-непосед / А. Ипатов — «Издательские решения»,

Книга о детях «оттепели» 60-х. Им от 7 до 13 лет, они из детства автора. До школы ребенок, что «пластилин», после 14 лет — он уже не ребенок. В промежутке формируется «ядро» личности подростка, состоящее из познанных им ценностей и выбранных авторитетов. Риски при взрослении детей были и будут, на то и «естественный отбор». Эти истории с их приключениями по замыслу автора уберегут ваших детей и внуков от глупых и опасных шагов, от эгоистических поступков, приносящих страдания родителям.

© Ипатов А.

© Издательские решения

Содержание

«Дом со статуями»	6
Введение: каменные джунгли	6
Дом с видом на Кремль	8
Первые деньги — первые траты	13
Непрописанный жених соседки инкогнито	16
Чердак и серьезный разговор	20
Поступление «чужого» ребенка	25
Клара, девочка с «помойки» и Васяня	28
Роковой день — бедный, бедный Стасик...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мужчина — это выживший мальчик

Книга для родителей детей-непосед

Андрей Ипатов

Дизайнер обложки Екатерина Ипатова

Корректор Сергей Ким

© Андрей Ипатов, 2026

© Екатерина Ипатова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8392-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Дом со статуями» **(ребенку 7 лет)**

Введение: каменные джунгли **для хитрован**

Если посмотреть внимательно на карту Москвы, то в самом ее центре можно увидеть старинный квартал в виде равнобедренного треугольника, ограниченного по краям: Яузским бульваром, Подколокольным и Петропавловским переулками. Расположенные там здания до сих пор очень разные: где-то это многовековые двух- и трехэтажные дома-развалюхи с метровыми стенами из кирпича, служившие в дореволюционные времена ночлежками для бедного и уголовного люда, а где-то совсем рядом есть и помпезный сталинский ампир. Внутри описываемого треугольника прячется от посторонних глаз целый дворец — бывшая усадьба генерал-майора Николая Захаровича Хитрово (между прочим, зятя самого фельдмаршала М. И. Кутузова). От его фамилии и пошло название известного на всю Москву в XIX—XX веках Хитровского рынка с прилегающими к нему окрестностями — та самая пугающая своим названием Хитровка, которую яркими красками описал «буревестник революции» Максим Горький в своей пьесе «На дне» и которую впервые поставили в 1902 году на сцене Московского Художественного театра классики советской и русской драматургии режиссеры К. С. Станиславский с В. И. Немировичем-Данченко.

И не поверишь, что это самое «дно» — теперь достаточно престижный московский район, хотя в описываемые ниже 60-е и 70-е он еще сохранял многое от своего мрачного прошлого. Скорее тогда это был район контрастов, район с пограничными полосами между трущобами с доживающими в них свой век «неудачниками» из коренных москвичей и домами сталинского монументализма, где, пусть и временно, обосновалась приезжая «лимита»: бедная, но вполне всем довольная, претендующая на то, чтобы со временем стать элитой общества СССР.

Жителей Хитровки в царской Москве, а особенно тех, кто селился там на Кулаковке — в ночлежных домах Кулакова («Дом-утюг») и Свинына («Свиной дом») — считали наиболее криминальными «отбросами» общества. Сами эти ребята звали себя: «утюги» или же «волки Сухого оврага», а найти их можно было в трактирах с названиями «Пересыльный» и «Сибирь». Под стать им были соседние бандюганы с «малин» из ночлежного дома Ярошенко (там, кстати, согласно сюжетам повестей автора, будет жить семья одного из героев — Витьки Гудмана). Аборигены из дома Ярошенко предпочитали собираться на сходки в собственном трактире «Каторга». Случайно забредшие туда залетные коммерсанты часто уже больше не выходили наружу. Вокруг этих домов на самой Хитровской площади днем стоял гул из сотен человеческих голосов — здесь в дореволюционной Москве сложилась стихийная биржа труда, здесь люди торговали мелкой снедью и искали любую работу...

Откровенный криминал из убийцев, воров и проституток среди обитателей Хитровки разбавляли многочисленные слои попавших в ее паутину люмпенов: представители спившегося пролетариата, подавшийся с голодухи в город на заработки крестьянский люд, так и не сумевший здесь «подняться», обнищавшие мастеровые, сироты-беспризорники. Всю эту буйную и обычно нетрезвую братию до революции звали хитрованами или хитрованцами.

До генерала Н. З. Хитрово данный район был вполне тихим, одним из самых зеленых, живописных и экологически чистых в Москве. Изначально он входил в пределы укрепленного каменной стеной Белого города, а вся местность в округе звалась Кулишками. Здесь было

немало живописных холмов, густо засаженных деревьями. Представление о них сегодня в некоторой мере дает Ивановская горка с ее древним Иоанно-Предтеченским монастырем. Периметр тех Кулишек ограничивали старейшие городские улицы Москвы: Маросейка, Покровка, Солянка, Лубянский проезд, а также Покровский и Яузский бульвары (которые, собственно, появились на месте снесенных каменных стен крепости Белого города).

Если бы не сплошь «сволочное сословие» жителей этих территорий на рубеже XIX—XX веков — быть бы тем Кулишкам московским Монмартром...

* * *

Вот сюда-то автор и предлагает перенестись ненадолго, но только в более поздние, советские времена, в период конца 60-х и начала 70-х годов минувшего XX века. В этом «временном окне» он хотел бы вспомнить о детских годах взросления нескольких своих героев, мальчишек так называемой оттепели, тогда еще дошколят, первоклассников, пионеров. Для них «каменные джунгли» в районе Хитровки (в то время площадь носила имя Максима Горького) и Кулишек приняли образ незабываемой малой родины. Этот образ в архитектурном плане сложился от сочетания дореволюционных трущоб с новыми архитектурными формами периода советских построек 30—40-х годов. Этот образ центра Москвы 60-х годов навсегда остался в сердцах и думах дворовых друзей-приятелей и одноклассников главного героя повествования — мальчика Юры. В каком бы районе Москвы, в каком бы городе России или даже в какой бы стране мира они теперь ни проживали.

Герои повести «Дом со статуями» — шести- и семилетние дети, только начинавшие познавать мир. Они не просто осваивали близлежащие к их домам соседние территории, они искали и находили в этом мире свое место под солнцем, в итоге они тем самым находили там и самих себя. Несмотря на строгие запреты родителей «никуда не уходить со двора», мальчишки из «треугольника» каждый день, как умели, расширяли круг познания вокруг себя. От этой начальной точки детства они осуществили потом вхождение в самостоятельную взрослую жизнь. Правда, не всем им было суждено дожить до полноценного взросления...

Детям-современникам эта жизнь, скорее всего, будет непривычной и непонятной, как и тем ребятишкам были крайне странными воспоминания их родителей и тем более родителей их родителей — про годы «не жизни, а выживания» в условиях среды без признаков комфорта: без благоустроенных квартир или комнат с отоплением, газо- и водоснабжением, без канализации, телефона, телевидения, с отвратительным медицинским обеспечением и физическим трудом вместо нормального образования, без понятия детского летнего отдыха...

Дом с видом на Кремль

У семилетнего Юрки во дворе был личный «адеютант и оруженосец» — шестилетний губастый наивный малыш Стасик. Юрка-первоклассник относился к младшему его на год детсадовцу так, как будто это был родной младший брат. Он и звал паренька не по имени, а больше «братишка». Потому многие дети во дворе действительно считали их братьями. Детские игры мальчиков в войну, в штандер, в прятки — были достаточно конкурентными, а детей младшего возраста в их доме жило с избытком. Девочек в этих играх вы бы вообще не увидели. Да они и не рвались туда — у них свои игры: с куклами, «секретиками», классиками, резиночкой, свои сложившиеся «женские» компашки во дворе. Если мальчуганы-семилетки играли, например, в прятки и их в «кодле» уже было достаточно, то детей младше никто в игру не принимал. Еще сложнее дошколятам было попасть в команды старших пацанов во время игр с мячом: в футбол или штандер (он же «стоп-мяч»). Здесь желательно было дружить с парнями-хозяевами мячей либо, как Стасику — быть на позиции их «младших братьев».

Мальчики с мячами слыли во дворе королями. Ведь все ждали, когда они соизволят спуститься со своих этажей и принести для игр желанный спортивный инвентарь. Таких «индивидуалов» среди младшего школьного возраста было двое, один из них — Юрка Цаплин. Но когда Юрка набирал себе для игры команду из жаждущих пацанов, он вне правил и вне очереди — брал туда малого Стасика. Стасик за то был безмерно благодарным и верным, он безропотно служил Юре оруженосцем — отвечал за сохранность мяча, когда дети переключались на игру во что-то иное. Если Цаплин почему-то долго не появлялся днем во дворе, то именно Стасик становился связным и бежал к тому на квартиру узнавать, отчего Цапля еще не вышел гулять. Разумеется, Стасик один из немногих во дворе, кто не смел называть Юрку Цаплей, а Юра это ценил более чем...

Значительное время они проводили в играх вместе (как не разлей вода), хотя у Цапли во дворе было много и других закадычных друзей. В основном все они были знакомы между собой по годам пребывания в общих детсадовских группах. Ведомственный детский сад находился здесь же, в их большом бледно-желтоватом доме. Дом был красивый, частично довоенной постройки (там, где отмечалась наиболее красивая его часть), а частично уже со скромной послевоенной отделкой. Жители района называли его: «дом со статуями», так как слева и справа от въезда архитектор взгромоздил каменные фигуры мужика-рабочего с отбойным молотком на плече и женщины-колхозницы почему-то с винтовкой в поднятой руке.

Группы их детского сада были разбросаны по периметру дома в разных местах первого и второго этажей, каждая возрастная группа со входом через отдельные подъезды. В доме всего было: одиннадцать подъездов (питерцы бы сказали — парадных) с лифтами, восемь этажей и громадное подвально-цокольное помещение (в одной его части прописался полковой оркестр). В жилой части этого монументального сталинского кирпичного дома, построенного преимущественно для военных инженеров, на каждом этаже было по две трех- или четырехкомнатные квартиры. Большинство из этих квартир — сугубо коммунальные, где в каждой из комнат проживала целая офицерская семья. Однако другие такие же помещения были генеральскими апартаментами. В них могла располагаться всего одна пожилая пара.

Исключение — крайний одиннадцатый подъезд. Там на каждом этаже было только по одной входной двери, за которой открывался длинный-предлинный коридор, по каждую сторону от которого располагалось множество изолированных комнат (десяток или даже полтора десятка). Это была малосемейка — офицерская общага. Ни Юрка, никто из его ближайших друзей в этой части дома не жил, но иногда их туда заносило в гости, чтобы познакомиться с новыми приезжими детьми, чьи папы еще не успели обзавестись большими звездами и стать старшим офицерским составом. Парочка хорошо знакомых по двору Юрке ребят жила и в

тех самых отдельных генеральских хором. На праздники, на салют они все дружно ходили в одну такую квартиру на верхнем этаже первого подъезда, откуда из окон открывалась панорама Красной площади и Московского Кремля. Зрелище салюта с этой «трибуны» было незабываемым.

Жил, в частности, в этом отдельном помещении «для салюта» парень-одногодок по имени Вадик. Как-то он пригласил Юрку Цаплю к себе домой. Ребята долго сидели за чаем в их громадной кухне с видом на все тот же Кремль. Рядом от стен Кремля слева в Зарядье как раз завершалась стройка будущей легендарной белостенной гостиницы «Россия».

— Вадик, а что это строят там такое большое и белое?

— Мой отец называет эту стройку: «Чечулинский сундук» (примечание: архитектор Дмитрий Чечулин), а дедушка зовет: «Постоялый двор Советского Союза».

— А мне нравится это здание! Все такое современное, из стекла и бетона. Напоминает большой корабль! А у корабля, смотри, там и рубка есть — ну точно дом-корабль!

Мальчики были из разных социальных групп, но детство делало их ровней. Конечно, Вадик был более начитанным и просвещенным в интересующих их вопросах. Так, он без труда мог, например, объяснить, чем ДОТ отличается от ДЗОТа, знал названия пушек и ракет. Пацаны типа Юрки такие вещи сильно уважали в своих сверстниках и старались максимально научиться от них полезному для постоянно проводимых в их дворе игр в войнушки.

На той встрече они еще поспорили, какое генеральское звание главнее: генерал-лейтенант или генерал-майор. Юра точно знал, что майор (такое звание было у его отца) — выше звания лейтенанта, поэтому твердо отстаивал второй вариант. Тогда Вадя между делом забежал в одну из комнат своей квартиры и громко переспросил про предмет спора, как у арбитра, у своего деда-генерала. Через минуту к ним на кухню вышел этот бравый восьмидесятилетний старик, одетый в синее трико с белой продольной полосой на каждой штанине (типа лампасов) и одновременно сверху накинувший на себя генеральский китель. На кителе на каждом атласном погоне красовалось по две звезды. Сначала дед доходчиво объяснил нерадивому Юре, что к чему, а также какие еще звезды должны быть у более старших: генерал-полковника и генерала армии. Наглядное получилось разъяснение...

Дальше они пили чай втроем (дед укорил внука, что тот не угостил друга их фирменным клубничным вареньем). А потом генерал начал вообще рассказывать много чего интересного про свое военное прошлое, да все с юмором, с прибаутками. Поведал Вадькин дед, в частности, пацанам и о том, как он за четыре года войны прошел путь от майора до генерал-майора, потом был разжалован в полковники, но снова «поднялся» уже до генерал-лейтенанта.

Из детсадовских друзей ближе других Юрке стали одногодки Петя и Павлик. С ними он провел перед школой лето в детсадовском лагере в подмосковном Николо-Урюпино. Это было запоминающееся лето, крайне необычное для не избалованных культурным отдыхом ребят. Отцы многих детей, включая Юркиного, жили по соседству с ними в военном палаточном лагере, вели там занятия для слушателей военной академии (среди которых было много забавных иностранцев, даже негритянской наружности). Это соседство позволяло папам по вечерам часто навещать своих детей во время их летнего загородного отдыха.

Малыши жили во вполне благоустроенных корпусах детского кемпинга (выстроенного еще в довоенное время из калиброванных сосновых бревен метровой толщины). Здесь же рядом находился и ведомственный пионерский лагерь (но уже в менее капитальных щитовых деревянных домиках), так что и дети постарше тоже не были обделены отцовским вниманием. Иногда на выходные к ним навещались из Москвы на автобусе еще и мамы. Тогда папам удавалось договариваться с воспитательницами и забирать своих отпрысков на часок-другой на совместную прогулку в лес. Доводилось и сходить с родителями купаться на пруды или даже зайти на территорию соседней с зоной детского сада военной части с полигонами. А там: и танки, и пушки, и машины для разминирования, и блиндажи всех мастей и конструкций.

Однажды на черной «Волге» к ним в детский сад приехал моложавый генерал (отец одного из дошколят), спросил у воспитателки: «Какие тут дети — самые послушные?» Юрка как раз попал в этот узкий привилегированный список. И вот тогда генерал на несколько часов увез своего и еще двух чужих ему мальчишек в недалеко расположенную усадьбу Голицыных-Юсуповых (она же военный санаторий), в Архангельское — на спонтанную экскурсию. Там ребята не только кормили белочек (генерал предварительно позаботился об орешках), но и посмотрели, как на спортивных площадках тренируются футболисты команды ЦСКА. А в финале этой поездки генерал носил мальчишек на плечах поверх своих звезд на погонах.

Так вот про Стасика... После того, как Юра из окна Вадькиной квартиры оценил, в каком направлении и как в принципе недалеко находится от их дома легендарный Кремль с Красной площадью, он подбил малыша пойти с ним туда пешком вместо очередной игры во дворе. Стасика второй раз уговаривать не пришлось, он вообще был крайне наивным и легко убеждаемым мальчонкой. И вот в один прекрасный теплый солнечный день бабьего лета 1967 года они туда и двинулись. Дорога до площади Ногина через Подколокольный переулок и по улице Солянка была Юре хорошо знакома — с мамой он туда часто ходил в колбасный магазин, а еще его там рядом стригли в парикмахерской (при этом «дядя-стригун» до обидного заставлял мальчика садиться не в кресло, как всех, а на деревянную дощечку поверх ручек кресла).

Выйдя на знакомую площадь со вдавленной там временем в землю церковью Всех Святых на Кулишках, Юрка немного замялся (даже Стасик начал смотреть на него с недоумением). Но потом правильно сориентировался по уже полностью отстроенному корпусу гостиницы «Россия», и они снова тронулись в путь мимо этого здания по улице Разина — напрямик к храму Василия Блаженного, что на Красной площади.

Стасика по дороге заинтересовало старое примечательное здание палат бояр Романовых, но на его вопрос: «А это здесь царь жил?» — Юрке трудно было что-то внятное ответить. Тем не менее он случайно почти угадал:

— Нет, это дом, где его родня обитала. А сам-то царь, само собой, в Кремле во дворце жил, во всем золотом на бархате...

Надо сказать, что уже очень скоро (через полтора месяца) страна собиралась с помпой отметить великий свой праздник (по советской иерархии, ни Новый год, ни День Победы, как говорится, с этим праздником и рядом не стояли) — 50 лет Великой Октябрьской Революции! Соответствующие приготовления в центре города, а особенно на Красной площади, шли уже полным ходом. К этой дате все стены зданий обязательно должны быть задрапированы и густо обернуты красным кумачом. Там, где кумача не хватало, — на стенах все подкрашивалось, а трещины и сколы в штукатурке ретушировались... Поперек улиц на растяжках обильно вывешивались транспаранты с типично коммунистическими лозунгами.

Увидев, наконец, Красную площадь, Стасика дико обрадовался. Он ее видел живьем первый раз. Юрка с умным видом пояснял малышу, что здесь что и где какие достопримечательности:

— Вот, смотри: это Спасская башня с часами-курантами, а это тот самый Мавзолей с телом дедушки Ленина, а за ним в стене похоронен космонавт Комаров, а еще тут много похоронено разных больших начальников, большевиков и маршалов. А тут вот, по этим самым булыжникам, на параде ездят танки и ракеты, а еще маршем проходят полки наших солдат и офицеров. Наши с тобой папки тоже здесь на парадах маршируют, учти!

Оставалось, правда, сделать главное, что Юрой заранее было обещано Стасику — это показать Царь-пушку. То, что для встречи с ней надо сперва войти внутрь крепостной стены Кремля, Юра не помнил. Он там точно ранее был, раз у них в доме в альбоме хранилась фотография, где трехлетний мальчик Юра с игрушечным автоматом стоит прямо перед той громадной пушкой. Однако пушки нигде не было...

Обыскав всю Красную площадь вдоль и поперек и не найдя нужной им Царь-пушки (равно как и Царь-колокола), Юрка погрузился, а на глазах у Стасика даже навернулись слезы: «Обманули!» В результате старшему мальчику пришлось осмелеть, и он начал спрашивать у прохожих на площади про то, где же им искать эту самую пушку. Однако на площади, видимо, были преимущественно приезжие люди — они сами толком не знали, а потому показывали детям то путь налево, то направо... Короче, дети совсем запутались.

Неожиданно к мальчикам подошла крупная дама с усиками и командным уверенным голосом поинтересовалась:

— Дети, а вы чьи? Где ваши родители? Почему вы тут одни ходите?

Юра попытался, взяв Стасика за руку, тихо улизнуть от нее. Но не тут-то было! Дама поставила ультиматум:

— Либо я вас сейчас сдам милиционеру (а они тут были), либо сама отведу вас к родителям и объясню вашим мамам и папам, как им следует следить за своими детьми и что им это не шутки шутить!

Юре под нажимом пришлось «дать показания», но не вполне правдивое:

— Сами мы на Солянке живем...

Дама решительно взяла каждого из них за руку и повела как на расстрел. Уж дома за эту самостоятельную вылазку к Кремлю им мало не покажется! Особенно самому Юрке, ведь ему же придется взять перед мамой Стаса всю вину на себя. Миновав площадь Ногина, Юра решил сделать еще одну попытку сбежать от грозной тети. Но вот только как? Один бы он смылся, не сомневайтесь. Тетка иногда ненадолго отпускала его руку из своей, но при этом руку Стасика держала железной хваткой. Тут скоро будет большое здание с магазином «Ткани» и еще со «Спортивным» магазином. В нем есть множество проходных дворов. Они с другими пацанами раньше уже не раз бывали здесь, в войнушку играли, даже спускались в подвалы — бывшие соляные склады. Но как свои намерения по побегу объяснить Стасику?! Как ему хотя бы намекнуть на то, что надо будет им дружно сделать — вот, например, у того места, когда они поравняются со входом в один из внутренних дворов?

Были еще варианты давать деру от грузной тети после того, как завести ее в какой-нибудь подъезд. Это можно сделать при входе в большой дом или уже при посадке в лифт. Самое надежное, если позвонить в дверь чужой квартиры (там тетка наверняка освободит им обоим на время руки) — тут-то надо и рвануть дружно! В общем, варианты побега были, а нужной коммуникации с мелким подельником — нет...

— Тетя, мы уже почти пришли к нам домой. Может, вы нас тут отпустите?

— Вот еще! Я что, зря вас за руки в такую даль тащила, что ли?! Показывайте, который здесь ваш дом?

— Вот этот! — Юрка показал на величавый ансамбль доходных серых домов бывшего купеческого соляного общества. — У нас вход вот там, где колонны (парень ткнул рукой в сторону самого фешенебельного подъезда).

— Вот и ведите! — Тем не менее от вида монументального здания, колонн, богато украшенных балкончиков, дореволюционной лепнины — суровая тетя немного ступсывалась. Она никак не рассчитывала читать нотацию каким-нибудь номенклатурным партийным чинам, а не то не дай бог, если родители этих хулиганистых детей еще и из органов...

— У нас там охрана будет в подъезде. Пока все ваши данные из паспорта они не перепишут и не позвонят в вышестоящее отделение для справки, то вас не пропустят к нам внутрь, это не быстро, — Юрку вдруг понесло...

— Вот как? А ваши родители — они кто?

— Нам про это говорить посторонним лицам запрещено. Один наш мальчик так сказал на улице, так его и похитили. Потом вся милиция Москвы бандита ловила. Говорят, при задержании его даже застрелили. Подумали, что у дяди есть оружие в кармане. Так ведь, Стас?

— Угу!

— Ладно, вот что, мальчики. Некогда мне тут с вами особо нянькаться. Я вас до дома довела в полной сохранности. Дальше вы уже сами с родителями разбирайтесь. А мне пора! — разочарованная и одновременно напуганная дамочка сделала разворот своего внушительного тела на сто восемьдесят градусов и быстрым шагом стала удаляться прочь с улицы Солянка.

— Юра! А что это было? — Стасик удивленно заморгал, так и не поняв, зачем всю эту белиберду сейчас Юра говорил той тете и почему они, по его рассказу, должны жить в этом большом доме, когда у них есть свой, не менее большой красивый дом.

Как вовремя Юрка вспомнил рассказ старшего приятеля Вовика из их двора. Тот недавно ходил с родителями в гости к настоящему академику. И не куда-либо, а в недалеко от них расположенный высотный дом на Котельнической набережной. Потом он всем пацанам хвастал, что в том доме-башне на входе есть собственная охрана, которая проверяла и выписывала данные из паспортов его родителей. Вот оно и пригодилось!

Первые деньги — первые траты

В те времена во дворах московских домов можно было часто встретить людей особенных, артельных профессий (или даже из несуществующего в СССР частного сектора советской экономики): старьевщиков, разносчиков, точильщиков ножей и пр. Этим делом занимались преимущественно пожилые люди, многие с видимыми увечьями, вероятно полученными на прошедшей войне. Жильцам они давно примелькались своим необычным, но притом привычным видом. Кому до них дело? Иногда во дворе после них пропадали какие-нибудь старые, но уже не очень актуальные для жителей вещи. Например, которые хозяева не сильно берегли и поэтому могли выставить на лестничную площадку или оставить надолго рядом с входной дверью: старые санки, сломанные коляски, ненужные деревянные лыжи.

Такие вещи со временем определенно пропадали, но их мог взять кто угодно — те же дети поиграть. Наконец, дворник, раздраженно наблюдавший несколько дней «непорядок», мог сам снести это «добро» на помойку. В частности, Юрка точно видел, как его бывшие малышовые санки со стульчиком (по крайней мере, очень похожие), неведь куда давно задевавшиеся, — приспособил для своих коммерческих нужд изредка приходящий к ним во двор однорукий инвалид. Взрослые говорили, что тот мужик занимался реализацией деликатесов (черной икры и осетрины, между прочим!), правда только для очень узкого круга своих проверенных клиентов, в основном из генеральских квартир. Когда мать с ним пыталась заговорить — он замычал как глухонемой, хотя ранее Юрка не раз слышал, как он матерится.

Однажды, уже давно, Юре с его другом Павликом Филиным, благодаря этим людям довелось заработать свои первые трудовые деньги. Это, конечно, запоминается на всю жизнь. Было им тогда с Пашкой лет по пять, не более того. Какой-то неопрятный старик в телогрейке (хотя был конец мая) с тележкой, наполненной разного рода тряпьем, увидев, что мальчуганы слоняются по двору без дела, подозвал их к себе.

— Мужички! Денег хотите заработать? Надо тут посторожить мое добро, пока я по квартирам пройду в этом подъезде. Получите вот: по пять копеек! — старик вытащил из кармана медный пятак и показал мальчишкам. — Смотрите, по такой монетке дам каждому!

У ребят загорелись глаза! Нет, не от перспективы предстоящей наживы; они бы и так бесплатно могли покараулить вещи этого деда. У них вдруг поднялась детская самооценка: им доверяют охрану чужих вещей, а раз так, значит, в них видят достаточно взрослых людей! Конечно, пацаны согласились поработать на дедушку, и тот, спокойный за свою утварь, зашел в дом по каким-то делам своего «бизнеса»...

Ждали они долго. Наверное, до часа. А у детей, как известно, скорость течения времени намного медленнее, чем у взрослых. Для взрослого человека час, а для них это все три! Тем не менее ребяташки отстояли полную смену безропотно, пока хозяин коляски снова не появился во дворе. Дел в других частях этого дома у него, видимо, больше не было, и поэтому он, бросив невзначай вслух: «Ну, спасибо, ребята!» — заспешил прочь со двора через задний проезд, что рядом с особняком Хитрово. Проезд тот вел напрямую в Подколокольный переулок, минуя их ажурные металлические въездные ворота со стороны бульваров.

— Дедушка, а денежку? Вы же нам обещали! — напомнил более смелый Павлик.

— А «спасибо» что, уже ничего для вас не стоит? — лукаво парировал старьевщик. — Рано вам, малыцы, деньги со старых людей драть... мы за вас на фронте кровь свою проливали...

Юрка, в принципе, потере заработка несколько не огорчился. Стыдно только стало за приличного вроде деда, который их так нагло обманул — ведь сам же им пообещал, а они бы и бесплатно здесь постояли. Однако Павлик думал иначе, здесь дело принципа! Он не отступил.

— А ну давай, старый, нам наши денежки! А не то мы... а то мы... мы сейчас вон тем большим парням все расскажем, а они тебе уже кузькину мать покажут!

Около медицинского училища имени Клары Цеткин, располагавшегося теперь в бывшем особняке Хитрово, стояло несколько великовозрастных балбесов-учащихся. Дед задумался: «А вдруг эта шпанистого вида шобла будущих медицинских братанов в самом деле вступится за малышей? Зачем ему тут нужен конфликт на ровном месте?»

— Ладно, держи один пятак, раз ты такой неугомонный! А тебе, — старик посмотрел на Юрку, — фиг с маслом! Слабак ты еще, пацаненок! Надо уметь свое не только заработать, но и у хозяина забрать! Если это твое, заработанное, то хоть глаза ему выпарапай! Человек человеку — волк! Бери пример со своего дружбана-жлобины, он тебя плохому не научит...

* * *

Интересно, что их тройку друзей во дворе разные родители называли по-разному. Отец Павлика смеялся: «Вон, птичья стая пошла...» Юрка был по фамилии Цаплин, Пашка — Филин, а Петька — Воробьев. Папа Петьки видел в их компашке нечто другое: «Святой Георгий (другой вариант имени Юрий) — в сопровождении апостолов Петра и Павла к нам пришли...» Наконец, папа самого Юрия как-то выразился так: «Чем-то вы мне втроем напоминаете Бывалого, Балбеса и Труса из известного фильма». Действительно Паша был крупненьким пареньком (типа он — Бывалый), Юра, как и его тезка Юрий Никулин (Балбес) — средним по своей конституции, ну а Петенька (Воробышек) — самым щуплым и немного трусоватым (что верно — настоящий Трус).

* * *

Павлик, заполучив в руки свою монетку, сразу решил ее по-честному делить:

— Хоть дед и дал нам только один пятак, но караулили вещи мы с тобой вместе, поэтому это будет нам на двоих!

Юра еще застыдился: ему показалось, что если бы одна монетка досталась только ему лично, то он, как Павлик, не предложил бы ее поделить на двоих — очень уж хотелось отнести родителям и похвастаться, какой он молодец, что сам смог заработать денежку... Получается, что «жлобина» совсем не Пашка, а он сам...

— А как ее делить, если пять на двоих не делится? — мальчики в пять лет еще плохо читали и совсем не писали буквы, но сосчитать число пальцев на руках и ногах могли легко, получается, что простые арифметические действия тоже знали и даже применяли.

— Это точно! Никак не поделится. Если дать одному из нас три копейки, а другому две, то это нечестно будет, однозначно.

— Но монетка же все равно одна! Может, ее положим на рельсы под трамвай, он ее переедет и сломает на две части? — у ребят уже был солидный опыт плющить гвозди на рельсах под трамваями «А», 3 и 39, регулярно ходившими здесь рядом по бульварному кольцу.

— Нет, он ее просто испортит. Но не разрежет ровно. Давай так сделаем: пойдем на «Кировскую», там у метро есть автоматы с газированной водой. На пять копеек можно будет выпить каждому по полстакана воды с сиропом и по целому стакану газировки без сиропа!

— Здорово! Как я сам до этого не допер! Только метро же далеко, мы с родителями всегда туда ездим на трамвае.

— Дурак ты, Юрка. Билет на трамвай стоит три копейки на каждого — это уже шесть. А у нас только пятак. А если поедем без билета, то нас без взрослых тоже туда не пустят.

Через полчаса двое пятилеток, словно они взрослые, самостоятельно преодолели два длинных московских бульвара (Покровский и Чистопрудный) и подошли к заветным автома-

там по продаже воды. Стекланные граненые стаканы были на месте (надо заметить, что их часто заимствовали выпивохи, и потом случались длительные моменты, когда автоматы не могли предоставить полный сервис любителям газировки). Теперь надо было разменять их единственный пятак на более мелкие монетки. Юра, когда понял задачу, то вошел в ступор: а как это тогда? Зато Павлик «Бывалый» не растерялся. Они вошли в вестибюль, спустились по ломаной лесенке вниз к кассе метро. Народа там совсем не было, и Павлик смело попросил через окошко:

— Тетя, разменяйте нам пятак на более мелкие монетки, очень надо!

— Ну, а где же «пожалуйста», молодой человек?

— Пожалуйста! Пожалуйста! — тут же одновременно заголосили и Павлик, и Юра.

— Вот, это другое дело! Не забывайте, когда просите кого-нибудь что-нибудь сделать, произносить это волшебное слово! Вам что надо: позвонить по телефону или для газировки? Тогда лучше так! — Кассирша выдала им три монетки: одна на три копейки и две по одной.

Ребята были теперь счастливы. На три копейки они получили из автомата стакан с сиропом и долго по глотку смаковали этот напиток. Юрка никогда в жизни ничего лучшего, кажется, не пил. Ну, пил, конечно: и лимонад, и квас, и тот же самый с сиропом за три копейки от родителей, но не на самостоятельно же заработанные денежки! Далее они также вместе на пару выпили с упоением еще и стакан газировки без сиропа. Это тоже была феерия!

Последнюю однокопеечную монетку, так как пить уже не сильно-то хотелось, ребята дружно решили все же положить под трамвай. По дороге домой они подробно обсудили, как это сделают, но уже в привычном своем месте, рядом с их домом на Яузском бульваре. Проговорили даже, какой из сторон и кто конкретно будет класть эту мелкую монетку на рельсы. Дети решили, что никого больше со двора на этот акт «минирования» не позовут. Ведь это их личные деньги — им и получать удовольствие. Саму расплюснутую монетку потом, конечно, они другим детям во дворе покажут. Похвалятся да еще и расскажут: как зарабатывали эти пять копеек, как забрали их у жадного деда, как одни потом ходили к метро на далекую станцию «Кировскую», сами поменяли там пятак, а потом долго и с восторгом пили наивкуснейшую в Москве газированную воду. Это будет, конечно, рассказано не походя, это будет у них целое представление в лицах, с демонстрацией доказательства — той самой расплюснутой скоро ими монетки. Гвозди-сабли раньше были у всех, а вот распорядиться так с самостоятельно заработанной денежкой — это будет точно в первый раз!

P.S. Все сказанное мальчиками было потом выполнено с величайшим терпением и тщанием. Однако раздавленную копейку после проезда трамвая они так и не обнаружили...

Непрописанный жених соседки инкогнито

Генералы предпочитали жить на последних этажах дома со статуями. Лишь один из них давно еще поселился на третьем, опасаясь, что если по какой-либо причине вдруг сломается лифт, то ему с больным сердцем и раненой ногой наверх будет физически трудно взобраться. Теперь на пороге своего девятого десятилетия этот генерал жалел о принятом в прошлом решении: лифт оказался архинадежным, а дети, которые жили в офицерских комнатах над ним на четвертом этаже, своим бегом и воплями не давали ему нормально отдыхать и спать, особенно днем, в часы сиесты. Супруга генерала неоднократно ходила в квартиру наверх, увещевала родителей, приносила для детей в подарок яблоки со своей дачи и даже самолично испеченный яблочный пирог. Но дети есть дети... Сегодня им сделали внушение, образумили, а завтра уже ничто не сдерживает их генетическую потребность побеситься.

В подъезде, где жил Юрка Цаплин, проживало целых два генерала: один, действующий генерал-полковник, — как положено, на самом верху, а второй — был тем самым пенсионером с третьего этажа, и спальная комната его аккуратно под Юркиной. Оттого этот генерал и называл мальчика, когда тот ему встречался на улице или в доме, не иначе как: «А вот и мой крестник идет».

В Юркиной четырехкомнатной квартире было еще относительно просторно. В двух самых больших комнатах жили офицерские семьи, в каждой по одному ребенку семи-восемилетнего возраста (сосед из комнаты напротив Валерик был на год старше Юрки). В комнате немного поменьше (но единственной с балконом) проживала молодая особа лет двадцати пяти Люся. Еще одна элегантная дама балзаковского возраста занимала самую маленькую комнатенку. Если с Люсей дети вели себя как ровня и она даже периодически включалась в их безумные игры типа футбола в просторном коридоре, то взрослая тетя Агния Серафимовна была строга и часто делала мальчикам вполне обоснованные замечания. Могла даже взять шалуна за ухо (родители на это не возражали). Но это когда тетя Агния была в плохом настроении. В хорошем же настроении она разрешала пацанам посмотреть у себя в комнатке телевизор, угощала шоколадными конфетами и даже втихаря от родителей научила их играть в карты, в своего любимого «джокера» (очень переживала потом, когда дети начали ее обыгрывать).

Со временем, когда соседская офицерская семья Борзовских покинула их квартиру и уехала по новому месту прохождения службы отца Валерика, тетя Агния сразу же сменила свою маленькую комнатенку на их просторную с окном в тихий двор. Такое неравноценное перемещение сама тетя Агния никак не комментировала, но Юрка случайно подслушал от родителей, что ей свое покровительство оказал как раз тот самый генерал с верхнего этажа, и что Агния Серафимовна якобы была какой-то там его ППЖ еще с войны, и что она и сейчас еще фантастически красивая женщина...

В маленькую комнатку на время вселили татарскую семью с грудным ребенком. Кажется, их папа был то ли дворник, то ли работник в местной котельной. Юрка его практически не видел: приходил тот с работы поздно, а уходил рано; выходные же, похоже, у него вообще не значились. А вот мама Алия с их ребенком мальчику понравились: доброжелательные, спокойные (если не сказать робкие), гостеприимные, всегда улыбающиеся, готовые бесконечно выслушивать трепотню паренька. Малышка как будто еще в утробе получила наставления, чтобы мало плакать. Если она и плакала, то крайне тихо, не мешая никому в их квартире.

Юрик часто зависал в их шестиметровой комнатенке, где практически ничего кроме большой железной кровати, маленького столика с детскими бутылочками и скрипящего стула не было. Иногда ему разрешали перепеленать девочку и никак не ограничивали в играх с ней. Впрочем, к игре приходилось сначала подходить творчески — две погремушки не давали возможности особо развлечь ребенка, а других игрушек в этой семье по финансовым причинам не

было. Через какое-то время Юрка переговорил с друзьями во дворе, и скоро ему для соседки-малышки собрали целый воз вышедших из употребления, но вполне качественных предметов: юлу, пирамидки, куколки и прочая-прочая. Когда он все это добро принес соседям, то мама Алиа не смогла сдержать слез, а девочка весь вечер улыбалась и много гулила, явно от большого удовольствия после знакомства с новыми вещами.

Именно в тот день Юрка понял, что делать приятное хорошим людям — это и есть самое большое счастье для самого себя.

Странно, но хотя та татарская соседская семья скоро от них съехала, воспоминания о малышке-девочке и ее совсем еще молодой маме (Алиа на вид и сама была как взрослая девочка) — навсегда остались у Цаплина в памяти. Причем когда ему довелось впервые увидеть иллюстрацию Рафаэля «Сикстинская мадонна», то сразу же ассоциативно всплыл образ той скромной кареглазой мамы со светящейся улыбкой у ее полугодовалой дочки (имя девочки в памяти не сохранилось, но оно точно было какое-то цветочное...).

Однако теперь стоит вернуться к более возрастной соседке Люсе. С ней отношения у Юрки были просто замечательные — лучше не бывает! Но в отличие от тихой Алии, Люська была вполне себе на уме, шумной, веселой и неугомонной. У нее часто тусовались поклонники мужского пола, засиживались допоздна, шумели, пока их не выпроваживала Агния Серафимовна при молчаливом одобрении Юркиных родителей. Как-то так само собой получилось, что тетя Агния, старожил их квартиры еще с послевоенных лет, негласно имела здесь титул коменданта. Она контролировала поочередную уборку мест общего проживания, своевременную оплату коммунальных расходов, и хотя сама практически не пользовалась телефоном, висящим в коридоре на стене, следила, чтобы соседи на нем не зависали, типа: «Мне сейчас могут звонить!»

Про то, кто такая эта деваха Люся и как она вообще получила несколько лет назад в двадцатитрехлетнем возрасте ордер на прописку в их квартире, не знала даже всемогущая Агния Серафимовна. Правда, ходила дворовая сплетня, что Люся эта — дочь целого маршала, но маломальских подтверждений тому не было, никто с маршальскими звездами к ней не приходил. В отличие от самой Агнии, объективно Люся не была уж такой изысканной красавицей, но ее живая коммуникабельная натура давала ей, пожалуй, еще большие шансы на привлечение к себе лиц мужского пола в качестве потенциальных женихов. Она легко заводила в любой среде знакомства и так же легко меняла своих ухажеров на новых (папа Боря говорил: «Как перчатки мужиков меняет»). Среди ее гостей можно было увидеть: музыканта из телевизионной передачи «Кабачок „13 стульев“», участкового врача (который однажды приходил в их квартиру по вызову, когда болел соседский сын Валерка), известного то ли футболиста, то ли хоккеиста (его идентифицировал папа Боря), сорокалетнего доцента с юрфака МГУ и прочая... Мама Юрки Таня, врач по образованию, даже как-то сказала, что открывала один раз дверь известному профессору, который обучал ее в институте в Казани.

Но однажды эти посиделки и паломничество гостей практически сошли на нет, а в Люськиной комнате застрял на постоянной основе один-единственный ухажер пижонистого вида Владислав (Владлен, как он имел обычай всем представляться). Застав этого типа в ванной комнате после бритья (хоть и пижон, но всегда хорошо выбритый и с коротко постриженными волосами) чистящим зубы, Агния Серафимовна не то чтобы возмутилась (к ней самой периодически в гости приезжал брат с Украины и мог по несколько дней ночевать), но заинтересовалась:

— Владлен, а вы что, теперь у нас все время тут проживать намерены?

— Неужели я вам так неприятен и мое присутствие в местах общественного пользования данной жилплощади вам, Агния Серафимовна, доставляет определенные неудобства?

— Ну что вы! Совсем даже нет! Мы привыкшие, еще с фронта. Но мы, соседи, можно сказать — полуродственники, раз имеем счастье каждый день лицезреть лица друг друга и внимать чужим разговорам. В этой связи хотелось бы понимания и по вашему статусу в части принадлежности к данной территориальной замкнутости. И еще. Может, нам пора уже Люсю поздравить с ее новым счастьем, чтобы не было конфузно потом, что вот опоздали...

— Люська мне намекала, что у вас тут определенный вид казармы. Но, честно говоря, я не думал, что меня так быстро в первый же день расколют относительно моего нелегального положения. Bravo! Пока могу только подтвердить наше обоюдное с Люсей желание, чтобы я задержался на неопределенное время. Ибо определить его точно пока не представляется возможным, не все звезды еще на небе сошлись, и не все амурь, кажется, проснулись.

— Ну что ж. Подождем, нам спешить некуда... Одна просьбишка к вам: в следующий раз для умывания и чистки зубов используйте свой порошок и обзаведитесь своим полотенцем!

Так у них в квартире стало на одного жильца больше. Причем жильца нелегального, что в советские времена было недопустимо и строго пресекалось участковыми милиционерами.

Образовавшийся ситуационный узел, как ни странно, очень скоро разрубили в непосредственном присутствии в этом деле малыша Юрки. Вот как все произошло.

Юрка возвращался с прогулки, и так как он редко пользовался лифтом, а чаще взбегал на четвертый этаж собственными ногами, то в этот раз у входной двери одновременно с ним оказался выходящий из кабины лифта дяденька-милиционер (судя по форме). Увидев, что мальчик собирается самостоятельно открывать дверь нужной ему квартиры (ключ для таких малолеток матери обычно привязывали за веревочку, конец которой вшивался внутрь кармана) — дядя милиционер поздоровался с Юрой. Уточнив, кто он сам такой, сказал юному домохозяину, что сам-то он здесь по службе — пришел к какой-то там то ли Егоровой, то ли Мироновой, то ли еще к какой-то ...оной. Паренек пожал плечами:

— Нету у нас таких!

Милиционер искренне удивился и переспросил:

— Что, у вас тут не проживает Людмила Александровна? Может, ты просто не знаешь ее полное имя и фамилию? А нам, знаешь ли, сигнал пришел, что не только она сама здесь проживает, но еще и содержит на своей жилплощади подозрительного мужчину по имени Владлен...

Тут Юру осенило:

— Вы, возможно, про Люську спрашиваете? Я ее фамилии не знаю. Она классная, и Владлен этот, ее парень, — нормальный дядька. Песни под гитару поет и фокусы показывает!

— Ну, пусть будет тогда Люся, если тебе так понятнее. Людмила, Люся — это все едино. Она сейчас дома? Нет? Ты только один теперь в квартире? Хорошо, давай подождем вместе, может, кто из взрослых подойдет. Как раз конец рабочего дня. Раз сигнал есть, то я обязан проверить, отреагировать, не затягивая, знаешь ли.

— Да, пожалуйста. Ждите. Можете зайти к нам в комнату. Комната Люськи у меня за стенкой как раз, слышно хорошо — не прозеваете, когда она придет.

— Вообще ты, паренек, не прав, что вот так пускаешь к себе в квартиру и тем более в комнату незнакомых тебе людей. А вдруг я ряженный? Если я бандит или вор какой?

— А у нас тут красть нечего! Мама даже папе говорила: «Хорошо бы к нам вор залез — может, при своей сноровке он чего ценного бы отыскал у нас. А то я сколько вещи, годами нажитые, ни перебираю — ничегошеньки стоящего найти не могу!»

— Ничего. Это все война подлая. Если бы не она, сейчас бы советские люди уже совсем иначе жили. И квартиры бы у всех собственные имелись, и машины с дачами. Так что это за Владлен такой у Людмилы вашей, то бишь у Люси, заявился вдруг?

— Да не вдруг. Я думаю, они любят друг друга. Люсе, мама говорила, уже под тридцать. Ей замуж давно пора, вот она искала-искала суженого и нашла, наконец. А он хороший, сме-

ется все, песни смешные поет, зарядку утром со мной в коридоре делает, а еще с уборкой по квартире Люсе помогает. Даже паркетный пол в коридоре натирает. А кем он, дядя милиционер, работает — знаете? А я вот точно знаю! Летчик он! Самый настоящий!

— Это... он сам такое сказал?

— Нет. Это Люся его так назвала: «Летал-летал, — говорит, — и мой голубочек мне на плечико, наконец, приземлился»

— Ну, это ничего еще не значит. Голубочком девушки могут и моряка назвать, и вообще кого угодно.

— А он еще сам часто говорит присказку: «Три минуты — полет нормальный...» Это про что, если не про самолеты?

— Ну, это, пожалуй, теплее... Хорошо. Очень уж мне теперь хочется посмотреть в паспорт этого вашего нового соседа Владлена, или как его там по-настоящему? Владислава?

— Дядя милиционер. А правда, что Люся — дочь маршала?

— Это... кто тебе такое сказал?

— Так, слышал я как-то. Один из ее гостей другому говорил: «Ты ей не перечь, она хоть и ангел, но маршальская дочка!»

— Хм. Странно. Вообще-то Людмила Александровна, согласно моим данным, — сирота полная, и она действительно дочь одного известного бывшего военачальника. Только давно репрессированного. Что, слова такого не слышал, малец? Ну это когда человека обвиняют в том, чего он не совершал, а потом надолго в тюрьму сажают или даже расстреливают как врага народа. Ей эту комнату заслуженно после реабилитации родителей дали. Но, конечно, не для того, чтобы она тут у себя селила неизвестно каких «летчиков-налетчиков»...

В этот момент послышалось открывание входной двери. Милиционер и Юрка вышли на шум из комнаты в общественный коридор. В дверях как раз стояли ожидаемые Люся со своим «хахалем». Владлен был сегодня явно перевозбужден, а из карманов его пальто торчали две бутылки шампанского. Увидев милиционера, он произнес:

— Ну, что я тебе говорил, Люсек, картина маслом: у самовара я и твоя тетя!

Милиционера это не смутило. Он представился:

— Старший лейтенант Орешкин, ваш участковый. Я так понимаю, что вы Людмила Александровна, а это некто Владлен? Можно, товарищ Владлен, посмотреть ваш паспорт?

— Честь имею! А вот паспорта — нема!

Последовала продолжительная пауза...

— По какой, простите, причине вы не имеете с собой паспорта? Дома оставили?

— Да нет. Вообще такого документа в натуре у меня не имеется.

Опять последовала продолжительная пауза...

— Тогда нам придется с вами проследовать в отделение для выяснения личности.

— Думаю, что не придется... Как человек военный, вы, конечно, знаете, что у всех военных паспортов в нашей стране нет. Зато есть служебные удостоверения. Вот примерно такие, — Владлен достал из кармана красную книжечку, в которую милиционер прямо вперился всем своим взглядом... Таких удостоверений ему еще в своей жизни видеть не приходилось...

— Отряд космонавтов? Капитан, вы что, из Звездного городка?

— Да, вот еще, товарищ милиционер! — Владислав достал из другого кармана скромную бумажную книжку. — Можете нас с Люсей поздравить. Мы сегодня расписались. Вот такое дело, знаете ли. А еще! Прописываться я у вас тут не буду... Наоборот, Люську от вас к себе заберу. Придется вам, соседи наши, тут одним в уборке общественных мест обходиться. Адью!

Чердак и серьезный разговор с папой Борей

Пять пацанов-первоклашек: Паша, Юрка, Петя Воробей и Вадька с Серегой (Серым) — в этот день занялись исследованием чердака в их доме. После школы Серый во дворе всех заинтриговал: он сегодня поднимался на самый верх в своем десятом подъезде и обнаружил, что люк на чердак был без замка! Обычно все чердачные входы закрывались массивным замком, а вредный начальник домоуправления Ильченко за этим строго следил. Теперь же такая удача! Можно прямо сейчас рвануть туда и исследовать все, что там есть под крышей. Все, кто слушал Серого, — сразу же согласились с ним, понимая, что в другой раз может и не подфартить с незатворенной дверкой.

А разговоров между мальчиками о чердаке было раньше немало. Во-первых, ходил слух (от более старших парней), что под крышей нет перегородок между подъездами и можно спокойно там пройти хоть от первого до десятого. Во-вторых, было интересно, как устроены выходы с чердака на крышу. Зимой иногда дети наблюдали, как по крыше ходят дяди с лопатами и сбрасывают вниз снег. Тогда часть прохода у дома становится закрытой, там дежурят тети и никому не разрешают заходить, даже иногда в их собственные входные двери.

Мальчики бегом бросились к заветному десятому подъезду, вызвали лифт и без труда поднялись на нем все вместе на последний восьмой этаж. Оттуда еще небольшой пролет на площадку у того самого люка. Так оно и есть! Замка нет — можно легко залезать наверх по металлической лесенке и проныривать в уже приоткрытый Серегой люк. Первое, что там бросилось в глаза под крышей, — это вокруг сплошное дерево. V-образная крыша, оказывается, в их каменном доме держится на системе из бревен и досок (точнее, состоит из стропил и обрешетки). Лишь на метр с небольшим над стенами дома возвышается незаштукатуренный кирпичный пояс, позволяющий крепить деревянные конструкции стропил с небольшим превышением над уровнем перекрытия последнего этажа. Вот это да!

Под ногами у них был не бетон, как на всех этажных перекрытиях, а тоже что-то зыбкое, присыпанное какими-то легкими круглыми камушками (шлак). Пространство под крышей действительно по периметру дома не было ничем разделено — кроме все тех же стропил, периодически создававших барьеры при перемещении людей. Если направо свободное пространство чердака виделось им относительно неглубоким (так как там по прямой оставался только один одиннадцатый подъезд), то налево галерея уходила очень-очень далеко, теряясь из вида за поперечными балками. Вот же им сегодня повезло! Вот будет о чем потом поговорить с другими пацанами, не попавшими на эту стихийную экскурсию!

— Куда пойдем, малявки? Налево или направо? — спросил Серый и, не дождавшись ответа от друзей-одногодок, повел всех в дальний путь. Шли кучно, не торопясь, внимательно рассматривая в полутьме все «достопримечательности». Кое-где лежали доски (видимо, специально проложенные, чтобы по ним было удобнее ходить, не проваливаясь в шлак), еще местами обнаруживались какие-то полупустые мешки, отдельно лежали связки с запасными железными скобами. Электрического света на чердаке не было. Но свет, как от редких фонарей, пробивался местами через узкие слуховые окошки. Тем не менее мрака в этом помещении не было, все внутри чердачной галереи в дневное время было вполне различимым. Единственное, что ребят в первый момент сильно напугало, — это неожиданный взлет голубя, делившего с ними это укромное место. Потом случались и другие взлетающие вверх птицы, но уже привыкшие к этому шуму дети больше не паниковали и не шарахались от них.

В одном месте у слухового окошка была приставлена небольшая деревянная лестница. По ней Серега добрался до выхода на крышу, смело приоткрыл дверцу и даже вылез наружу. Остальные застопорились: вылезать наверх им явно не хотелось. Что такое страх высоты, всем

мальчуганам было хорошо знакомо после лазаний по местной пожарной железной лестнице, которая крепилась снаружи их дома болтами через металлические ушки прямо к стене. Лестница-пожарка была абсолютно вертикальной, без всяких там промежуточных площадок или поручней, поэтому редко кто из мелких пацанов решался подниматься по ней выше второго этажа. Всего таких лестниц было на их доме две. Обе были закреплены на стенах со стороны двора: одна на удалении после одиннадцатого подъезда и одна рядом с четвертым.

Просто так малышу до нижней перекладины пожарки, конечно, было не дотянуться, но если принести с друзьями с помойки и подставить друг на друга пару ящиков, то и это препятствие становилось вполне преодолимым. Некоторые «взрослые» парни (это те, которые с пятого класса и выше...) — те вообще легко запрыгивали на нижнюю перекладину пожарной лестницы, подтягивались, забрасывая на нее ногу, а потом лезли вверх, иногда аж до пятого этажа. Один такой парень Мишка слыл чемпионом данного вида спорта, он даже получил во дворе кликуху — Циркач. Кажется, он единственный, кто на зависть всему двору однажды взобрался по пожарке до самой крыши. Ну конечно, он же уже перешел в восьмой класс!

Через пару минут Серега вернулся с крыши обратно к парням. Лицо его было белым, но довольным.

— Слабаки! Я бы вообще мог с вами не по чердаку, а по крыше пойти. Но там сейчас ветер сильный, и ботинки у меня сегодня скользят. Ладно, пошли как сговорились — низом.

То, что Серега смелый и отчаянный мальчишка, ни у кого давно не вызывало сомнений. Вот и сейчас он единственный, кто решился вылезти на железную крышу восьмиэтажного дома.

Пройдя за час свой нелегкий путь по всему чердаку дома туда и обратно, ребята прилично устали — не сосчитать, сколько раз пришлось им перелезать или подлезать под бревнами. Конечно, в начале этого приключения все для них было прикольным, но потом постепенно пришло однообразие, и удовольствие сменилось необходимостью делать монотонный труд. Ко всему Юрка на одном из последних барьеров умудрился зацепиться ногой за гвоздь, в результате чего разорвал штанину и раскровенил ногу. Этого еще не хватало! Царапину еще можно от мамы спрятать, а вот дырку в штанах?

Наконец, они достигли исходной точки входа на чердак у десятого подъезда, и на этом месте даже единогласно решили не ходить дальше в короткую сторону. Серега с ними согласился:

— Да, у нас теперь раненый есть, его надо скорее спустить, чтобы промыть рану, а то может быть столбняк. И тогда Цапле хана! Лапками вверх вынесут!

Никто не знал, что есть такое столбняк, но авторитет Серого говорил за то, что ему надо верить.

Однако когда ребята попытались приоткрыть люк — он уже им не поддавался... Дергали все и крайне усердно, но никакого толка. Попадос! Пока они лазили по чердаку, кто-то закрыл люк на замок. Возможно, тот дядька и проверил сам, нет ли кого на чердаке, но они его точно не могли слышать, так как, видимо, в это время находились совершенно в другом крыле здания. Это теперь ясно как день — их замуровали! Ну и что прикажете дальше делать?!

Оставалось как-то просигнализировать с крыши вниз, чтобы их хотя бы обнаружили, и когда родители вечером начнут искать, то были бы свидетели, видевшие парней на крыше. Такое мнение озвучил опять же Серый. Он и взялся вылезти снова на крышу, чтобы кричать вниз. Вылезать разумнее в окно, которое будет напротив пожарной лестницы. Ближайшая такая здесь прямо за одиннадцатым подъездом, значит, надо все же пройти ребятам путь до конца и в короткую правую сторону. Что же делать! Тронулись туда, куда еще не ходили сегодня.

Достигнув торца дома у крайнего подъезда, бесполезно подергав там минут пять местный люк, дети повернули направо на девяносто градусов и по световому лучу легко определили

нужное им слуховое окно, ближайшее к пожарной лестнице. Это по ней недавно вскарабкивался наверх Мишка Циркач. Приставной лесенки здесь не оказалось, но дружно подсадив Серегу, ребята помогли ему подняться и вылезти через дверку наружу, на крышу. После этого была долгая пауза ожидания, детям пришлось выслушать многочисленные шуршания ног по железу, а скорее даже не ног, а попы их Серого. Наконец, мальчики услышали его возгласы. Возможно, там, на улице, они были достаточно громкими, но изнутри чердака их еле-еле можно было расслышать. А что? Вдруг Серый сможет сейчас перебраться с крыши на пожарную лестницу и спустится по ней вниз, чтобы позвать на помощь прямо со двора?! Было бы здорово, если бы он так сумел сделать!

Нет, ребята от своего героя уж слишком много хотели... Перепуганный насмерть парень вернулся назад. Руки у него дрожали, речь была несвязной. Он реально сделал все, что мог, но большего от него ждать было напрасно. На их молчаливый вопрос он только махнул рукой: «Дохлый номер!»

Да, они, кажется, в тупике. Вроде бы и у себя дома, а вроде и в таком неопределенном месте, что найти их здесь родителям совершенно невозможно. Когда еще рабочим из ЖЭКа понадобится в следующий раз лезть на этот чердак или на крышу? А вдруг только зимой для сбрасывания снега? Им тут столько не продержаться, не вытерпеть... Надо же еще есть и пить, да и холодно тут, ветер продувает из щелей. Стали обсуждать между собой варианты спасения. Серый отстранился под предлогом, что устал, вымотался и не может сейчас что-либо говорить. Воробей — тот сначала стонал, а теперь заплакал навзрыд. Он им тоже не помощник...

Предложения по спасению были такие: Пашка предложил вернуться к люку десятого подъезда и стучать что есть силы по нему. Это, кажется, было разумным: жилыцы верхнего этажа могли услышать стук и выйти на лестницу, чтобы узнать, в чем дело и откуда происходит этот шум. Вадька, генеральский внук, предложил еще более дельное: распределиться им по пяти подъездам и каждому из мальчишек стучать там по своему люку. Тогда шансы их обнаружения поднимутся в целых пять раз. Юрка тоже высказал свое мнение. Он в принципе был согласен с Вадиком, но предложил, пока есть запас светлого времени, сначала дойти тут совсем рядом до двенадцатого подъезда и проверить люк там.

Да-да! В их доме в самом торце Л-образного профиля дома после квартир малосемейки слушателей академии должен быть еще и двенадцатый подъезд! Там нет лифта и нет своих квартир на лестничных площадках, но там определенно имеются на этажах из каждой квартиры малосемейки так называемые аварийные выходы, соединенные общим (скрытым внутри дома) черным ходом с дополнительной лестницей. Он это видел пару раз, когда бывал в гостях у детей из десятого подъезда в малосемейке. Он также видел этот секретный выход, когда в прошлом году ходил в старшую группу детского сада, а она территориально как раз находится под ними на первом этаже — между одиннадцатым подъездом и лестницей черного хода. Именно по этой неафишируемой лестнице нянечки для сокращения своего пути с кухни, расположенной внизу, на цокольном «нулевом» этаже, приносили им в помещение группы свежеприготовленные каши на завтраки и супы с сосисками на обеды. Наконец, все дворовые дети прекрасно видели (но просто не обращали должного внимания) глухую крайнюю дверь с улицы, а за ней-то как раз и должна быть та самая эвакуационная лестница, наверняка поднимающаяся вверх до самой крыши.

Логика у Юрки была такая: если эта лестница предназначена для спасательных мероприятий, то, может, и люк там все время открыт? Зачем его закрывать, в отличие от жилых подъездов, если снаружи во двор данная лестница постоянно заперта изнутри и взойти по ней на чердак для посторонних лиц нет никакой возможности? Да и эвакуационные двери на всех жилых этажах, скорее всего, тоже закрыты наглухо, ведь иначе там в малосемейке был бы проходной двор с этажа на этаж. Тут Цапля был категорически неправ: из каждой квартиры в малосемейке с пятого по восьмой этаж двери на эту лестницу держались в нарушение распо-

ряжения коменданта постоянно открытыми, так как жильцы-офицеры именно туда постоянно ходили курить, чтобы не делать этого в своих комнатах при женах и детях.

Парни скептически отнеслись к доводам Юрки, но не возражали, чтобы он туда добрел сейчас один. Это можно было сделать прежде, чем все они поплетутся дружно в обратную сторону, чтобы потом распределиться по разным люкам и стучать-стучать... Цена вопроса: какие-то жалкие оставшиеся метров двадцать.

Инициатива с двенадцатым подъездом исходила от Юрика — значит, ему и проверять свою гипотезу, несмотря на кровотокающую конечность. Через три минуты паренек громко завопил, призывая остальных идти быстрее к нему. Да, это невероятно, но дорога вниз тут была, и она ждала их! Вообще, в этом месте не было привычного люка, а была каменная полноценная стена шахты, а в ней была встроена настоящая дверь. Абсолютно незапертая! Рядом висело на просушке чье-то белье — вот она и разгадка! Жильцы снизу использовали черный ход и сам чердак для просушки своего стираного белья. Это было удобно и вполне рационально. Видимо, по этой же причине какой-то мастеровой офицер предусмотрительно испортил врезной замок, и его язычок больше не фурычил...

Дальше все было совершенно тривиально и обыденно: ребята вышли через ту дверь на лестницу черного хода. Там тоже было мало света, проникающего только естественным путем через микрооконца в стене размером с тарелку. Спускаясь вниз, уже на седьмом этаже они обнаружили полуоткрытую дверь в апартаменты малосемейки — вошли в нее и не шумя прошли по коридору длинный путь до самой входной двери (кто-то из жильцов их, вероятно, и видел, но не обратил должного внимания на малолеток).

Далее ребята без труда отодвинули собачку на замке и вышли на лестницу одиннадцатого подъезда, вызвали там на площадке лифт, спустились в нем, вышли все на улицу и здесь со словами: «Пора домой, а то вот мама ругаться будет!» — разбрелись каждый к себе. Казалось бы, пять минут назад была неразрешимая проблема. А теперь грозившая им голодной смертью — она просто взяла и сама так рассосалась...

Мама Таня не стала в этот раз ругать Юрку за опоздание. Ее несколько не смутило, что сын задержался сегодня во дворе на полчаса дольше обычного. Сентябрьский вечер был теплым, почти как летний. Уроков же в первом классе школы им еще в первой четверти не задавали, оценок не ставили. Однако как ни старался парень скрыть свой страшный порез, затворившись в ванной комнате и промывая ногу холодной струей (Серый сказал, что надо именно холодной, а не подогретой на газовой колонке) — в итоге его хитрость не удалась. Видимо, у мамы-докторши было некое чутье на запах крови... Когда мальчик просочился в комнату, пытаясь закрыть собой место порванной штанины, он был сразу же идентифицирован и схвачен в момент сокрытия своего преступления. Далее понятно: увещевания по поводу испорченных штанов, ахи и охи по поводу глубокой раны от грязного гвоздя, собственное мамино лечение от столбняка (между прочим, с уколом!), рисование докторшей страшных перспектив неминуемой будущей ампутации ноги:

— Если бы я не была врачом и у меня дома не имелось всего необходимого для таких серьезных ран, то ты у меня сейчас бы как миленький ехал на скорой помощи в больницу. Да тебе же не привыкать!

Скоро с работы пришел папа.

— Борис, поговори с сыном! Он опять чуть где-то не убится сегодня. Вот, посмотри, какой глубокий порез! Он бы мог потерять много крови, да к тому же я не знаю, как долго он эту инфекцию от гвоздя в себе носит уже. Пойдет заражение крови, а там и до гангрены с ампутацией недалеко. Поговори же с сыном. Ты отец, наконец! Он только тебя слушает. А эти его фокусы с травмами — уже в который раз за последний год случаются! А штаны теперь только выбросить! Между прочим, это брюки от новой школьной формы! Юра! Почему ты не

переделся, когда пошел гулять с ребятами во двор? Зачем вообще каждый день шляться во дворе? Почитал бы лучше сказки. Ну почему я не родила девочку?!

— Сын, ты уже не маленький. Вот учеником стал. Очень хорошей школы, между прочим, совсем не для хулиганистых мальчиков. Ладно, все мы были детьми и понимаем, что периодические синяки и шишки для мальчиков — это норма. Если бы ты без них все время домой являлся, то я бы больше за тебя стал беспокоиться: уж не «одевчонился» ли ты? Но, знаешь ли, у тебя на это дело явный перебор! Год назад ты со своим приятелем-дебилем клюшками разбивал бутылки, пришел домой — вся морда в порезах от осколков стекла. Поражаюсь, как ты тогда себе глаз не повредил? Просто повезло, что ты еще зрячий у нас по-прежнему. Говоришь, успевал зажмуриться?! А жмурки эти ваши на колоннах медицинского училища — интересно, кто придумал? Ходить с завязанными глазами по эстакаде на высоте двух метров от земли. Вот твой кореш Толя, который там у вас водил с завязанными глазами, — он и упал наземь с высоты. Теперь я вижу его на инвалидной коляске, мамашка во двор вывозит погулять. Хорошее гуляние! Перелом позвоночника или что там у него еще нашли? Это, считай, приговор на всю оставшуюся жизнь. Плохо так говорить, но по мне, так лучше бы этот Толик погиб совсем, чем такое уродство навсегда поиметь...

— Я ему кричал: «Туда не ходи!», а он как зомби, повернулся к нам, а сам спиной продолжал идти назад к обрыву...

— Ладно. Это не про тебя, но и ты там тоже был! Вина на всех вас. Разве что в пять лет вы еще неподсудны были. Но мозги свои надо быстрее развивать, а то просто не успеешь ими воспользоваться! Мать моя! Далее, следующий эпизод с вашим фехтованием. Кстати, все с тем же дебилем. Павликом, кажется, его зовут... Дофехтовались до того, что он тебе саблей своей горло проткнул. Да как ловко это сделал — прямо через твой рот! Ты чего рот-то открыл тогда? Дыхалка ни к черту? Наверное, это первый случай из жизни мушкетерского сословия, чтобы умудриться проткнуть шпагой горло, да не снаружи, а изнутри через открытый рот. Просто анекдот! Я когда на работе коллегам про это обмолвился, так пожалел сразу — засмеяли: «Только цапли так широко клюв свой умеют открывать!» Смешно, да не совсем! Когда я тебя тогда на такси в больницу отвез, мне врач там определенно сказал: «Повезло вам, что зимой в мороз все произошло. Подморозило рану сразу, а то мог бы паренек от потери крови помереть, пока вы его сюда везли». Опять же той зимой тебе зуб снежком сломали, не молочный уже, а постоянный, коренной. Покажи-ка! Вон, мать, на самом видном месте спереди скол! Хорошо еще будет, если по молодости он у тебя не сгниет, в натуре. Я понимаю, что игра в снежки — это нормальная детская игра. Но вы же зачем-то ледышками пулялись. А лед иногда может быть тверже камня. Что, летом, когда снега не будет, — камнями начнете кидаться друг в друга, олухи?! Ты мне скажи, Юра, я что в следующий раз от тебя должен ждать еще? Сегодня ты по гвоздям ходишь, а завтра, может, на крышу нашего дома полезешь? Вот я тебе все сейчас сказал, а ты думай! Не лезь на рожон, думай, как твоя непродуманная дурь завтра может обернуться для тебя же, а заодно и для нас с мамой. Чаще думай про того Толика в инвалидном кресле, про все это думай, и когда другие дети тебя подначивать будут на очередное сумасбродство — найди в себе смелость отказаться! Да это как раз и будет смелость: пойти против течения, против насмешек людей с низким уровнем умственных способностей.

Поступление «чужого» ребенка в 35-ю школу

Весной в Москве для родителей семилеток наступала ответственная пора — определить своего ребенка в школу, получить медицинское освидетельствование, сдать документы на поступление, да так, чтобы их там приняли, а не мягко отказали... Центр мегаполиса, в отличие от небольшого периферийного городка, в этом плане мог иметь массу подводных камней. Во-первых, сам дом проживания и ближайшая желанная школа вполне могли оказаться в разных административных единицах (районах), а по постановлению Моссовета, дети должны были учиться исключительно в районе собственного проживания (то есть строго по прописке). Во-вторых, ряд московских школ имели статус специализированных. Например, математических или вот с углубленным изучением иностранного языка (чаще английского, но мог быть и другой: французский, немецкий). Это грозило детям хождением на уроки иностранного языка не с пятого (как обычно в СССР), а уже со второго класса. Такие спецшколы считались в определенном смысле элитарными заведениями, а потому все родители желали сдать туда своих чад. Соответственно, эти не всем доступные школы имели право при поступлении в них детей устраивать собеседования или иные фильтры, отбирая наиболее способных. Правда, и здесь на первом месте было соблюдение требования, чтобы принятые на учебу дети проживали в том же районе, где и находилась принимающая их школа.

Директор 35-й московской спецшколы, что в Большом Вузовском переулке, Иван Васильевич часто пренебрегал указанным требованием. Во-первых, ему каждый год звонили из РОНО или даже из ГОРОНО — просили обеспечить прием таких-то и таких-то детишек, у которых были влиятельные родители или за которых активно хлопотали влиятельные знакомые этих родителей. Ну, а раз все равно приходится кругом установленные теми же РОНО правила нарушать, то директор мог в принципе нарушать их и несколько далее. При его непосредственном участии в школе устраивали тотальную ненавязчивую экзаменовку для избыточного контингента детей-кандидатов, причем без исходного жесткого фильтра с отсевами по месту проживания.

Конечно, близость домов, где были прописаны детки с их родителями, — имела некоторую значимость. Но если выбор стоял между тем, чтобы принять хорошо подготовленного ребенка с явно выраженными умственными способностями из соседнего района или же умственно отсталого и хулиганистого пацана из своего, то Иван Васильевич отдавал предпочтение первому варианту: «Хорошие ученики нам и самим нужны, зачем их отдавать в чужие школы!» Благодаря этой политике школа скоро приобрела достаточно высокий рейтинг качества по Москве, и поэтому продвинутые родители пытались не только устроить свое чадо в нее, но и зная условия приема и непредсказуемость решений директора — подготовить нужным образом ребенка для поступления туда с учетом обязательного прохождения экзамена. По крайней мере, каждый ребенок-кандидат должен был выучить стишок (желательно не из банального списка типа «В лесу родилась елочка»), уметь продемонстрировать свои навыки в счете, в чтении или даже суметь поддержать интеллектуальный разговор с экзаменующим его учителем. Чтобы прием в школу был прозрачен для родителей, один из них допускался к присутствию на отборе. Часто в числе экзаменующих учителей был и сам директор школы.

Большой «дом со статуями» был как раз в пяти минутах ходьбы от 35-й спецшколы, но волею случая — по другую сторону от административного района школы. Подколокольный переулок как раз и был той самой границей. Школа находилась в Бауманском районе (после 1991 года — в Басманном), а сам дом — в Ждановском (после 1991 года — в Таганском). На этом основании секретарша при приеме документов от Юриного папы недвусмысленно намекала, что прием «чужих» детей возможен только в качестве исключения... Сердце папы Бори

екнуло: он, как человек военный, привык исполнять приказы, а приказ от мамы Тани, пославшей мужа проследить, чтобы Юрку приняли именно в эту школу — был более чем приказ. Не выполнить его было никак нельзя.

* * *

И вот они вместе с сыном скромно зашли в директорский кабинет на третьем этаже. Как выяснилось позже, рядом, в двух шагах от этого кабинета, была дверь, ведущая непосредственно в жилую квартиру самого директора (что, видимо, есть большая редкость для московских, а не каких-либо там сельских школ). За чистоту своих бумаг и справок папа Боря был абсолютно уверен, а вот про то, что их район «неправильный» — он был хорошо наслышан. Но знал он наверняка и другое: многие более старшие дети из их военного дома поступали и сейчас успешно учатся в этой английской престижной и ближайшей к их дому школе.

В кабинете директора сидели два человека: грозный Иван Васильевич и при нем какая-то молодая красивая женщина с прической типа халы («Видимо, она учитель, для завуча еще зеленовата...»).

— Ну-с, молодые люди, чем нас будете удивлять? — поинтересовался директор.

— Вот, сын может прочитать стихотворение. Какое будешь? Некрасова?

Юрка по настоянию мамы заучил три больших стихотворения, несколько раз дома он прочитал их ей: и вчера вечером, и сегодня утром. Мама была довольна: без запинок и даже в некотором роде с выражением. Мальчик начал «Крестьянские дети»: «... *Откуда дровишки? — Из лесу, вестимо; Отец, слышишь, рубит, а я отвожу... А кой тебе годик? — Шестой миновал...*» — На этом месте директор прервал мальчугана:

— Молодец! Да и стихотворение выбрал хорошее. Его многие тут читают. В том числе и те дети, что из нашего Бауманского района. А вы вот — ждановцы и поэтому должны что-то большее нам показать. Сынок, удиви нас с Татьяной Дмитриевной, пожалуйста! Докажи, что умеешь делать нечто такое, что другие дети не могут.

Папа Боря давно проработал такую ситуацию и на всякий случай имел для нее план Б. Он тут же достал из своего кармана «козырного туза» и передал сыну... коробок спичек. Обыкновенный такой коробочек, самых что ни на есть обычных спичек по цене одна копейка.

Директор вздернул брови:

— Это что еще за фокусы? Спички детям не игрушки!

Юрка, увидев коробок, быстро сообразил, что от него хочет сейчас отец. Он подошел к письменному столу, оглядел его поверхность, аккуратно отодвинул в сторону какие-то папки и высыпал на зеленое сукно половину спичек из той полной коробочки. Далее его взгляд окинул по очереди всех присутствующих и прямо-таки прилип к той фигуре, что образовалась из россыпи спичек на поверхности директорского стола. Так он смотрел на палочки не менее минуты. Следующим его шагом стало то, что он взял рядом со стола одну массивную папку и накрыл ей тот хаос, который образовали прежде высыпанные им спички.

После этого действия мальчик выполнил полный разворот через левое плечо и пересыпал из коробка себе на ладонь оставшиеся спички. Директор и учительница все так же недоуменно продолжали смотреть на эти фокусы и выкрутасы. Юрка, ничуть не смутившись, начал рядом на столе выкладывать из палочек спичек новую картину: вот здесь три штуки рядом, здесь что-то похожее на крестики, здесь одинокая спичка, там сразу кучка из пяти, в левом верхнем углу три спички выпали в виде гусиной лапки... Кажется, все правильно — три десятка спичек легли так, как ему до того виделось. Мальчик сделал два шага назад: «Готово!»

В этот момент папа Боря уже подошел к директорскому столу и аккуратно поднял папку с того места, где она лежала на рассыпанных ранее сыном спичках. Удивительно, но он не зря несколько недель таким образом тренировал с ребенком зрительную память по вечерам,

перед сном: «картины» сына на столе директора, как слева, так и справа — были совершенно идентичными. Ну, может быть, только одна из лежавших там спичек недостаточно идеально синхронизировалась с остальными. Директор встал со своего места, тщательно указательным пальцем как бы с дистанции пересчитал число и группы палочек — убедился, что память мальчугана не подвела и что «самостоятельное задание» им выполнено на высоком уровне. Сходимость новой картины с шаблоном явно имела место.

— Поздравляю! Вы приняты. Такие вундеркинды нам безусловно нужны. Татьяна Дмитриевна, как вы? Возьмете этого Гагарина к себе в класс? Почему Гагарина? Так он же Юрий!

* * *

Практически все семилетки из их дома пробовались тогда на поступление в спецшколу в Большом Вузовском (теперь это Большой Трехсвятительский переулок). В итоге отобрали кроме Юры: скромную девочку Олю (хорошо знакомую ему еще с песочницы на Яузском бульваре), сорванца Серого (уж его-то каким манером туда занесло, а главное, чем он им понравился?), генеральского Вадика (ну, это было однозначно предсказуемо). Ни Павлика, ни Петьку, ни других знакомых пацанов по их двору Иван Васильевич почему-то не принял. Серый и Вадька были записаны в первый класс «Б», а Юрка с Олей — соответственно в «А».

Клара, девочка с «помойки» и Васяня

Около обозначенного выше дома на пересечении Подколокольного переулка и Яузского бульвара у мальчишек было несколько сакральных мест для игр. Места эти на местном сленге назывались следующим образом:

«Колонны» — это то самое место с приподнятой каменной галереей на фасаде здания бывшего поместья Хитрово, откуда два года назад упал во время игры в жмурки нескладный паренек Толик, получивший в итоге травму позвоночника и о котором давеча упоминал папа Боря в «мужском разговоре» с сыном.

«Помойка» — это не только сами баки для мусора на задворках двора, куда жильцы в ведрах самостоятельно сносили бытовой мусор. Это еще и небольшой пустырь рядом, где дети устраивали некоторые свои азартные игры, в том числе и с огнем. Прямо рядом с баками были ворота какой-то складской территории. Машины туда въезжали и выезжали очень редко, поэтому среди мальчуганов ходил слух, что там хранят что-то секретное типа НЗ (неприкосновенный запас) на случай новой ядерной войны. Вот только что это за НЗ — никто понятия не имел, ящики — они и есть ящики. Больше ничего увидеть не получалось.

«Татарка» — закуток между торцом дома (тем самым двенадцатым подъездом) и территорией примыкающих складов, огороженный высоким забором. Через забор этот дети тем не менее лазили на склады, но не нашли там ничего для себя интересного. Войти на территорию «татарки» можно было через узкий проход (одно время в нем даже стояла железная дверь) между одноэтажным зданием домоуправления и основным зданием «дома со статуями». На «татарке», когда там не выгуливали детишек из детского сада, дворовые дети иногда играли в мяч или устраивали войнушки с брызгалками от шампуней.

«За Кларой» — территория с обратной стороны (не со двора) от усадьбы Хитрово, давно ставшей медицинским училищем имени Клары Цеткин. На этой территории еще со времен дореволюционных ночлежек стояло ветхое покосившееся двухэтажное жилое строение (на момент описываемых событий там еще жили люди, о которых ниже пойдет речь). В конце 60-х корпус этого здания сломают, а на указанном месте Метрострой возведет непонятного назначения постройки с закамуфлированной шахтой. Фактически вытянутый корпус усадьбы Хитрово (училища) был для жителей сталинской восьмизатжки вполне зримой границей между их придомовой территорией и внешними закоулками прочих дворов хитрован...

«Трубы» — узкий длинный проход между корпусом складов (слева) и жилым трехэтажным домом (справа), где на поверхность выходили две громадные трубы центрального отопления. Трубы были обернуты сеткой с покрытием теплоизолирующего материала, похожего на стекловату (пенопласта тогда еще не придумали). К ним можно было проникнуть, одолев со стороны помойки двухметровый деревянный забор (каждый пацан от пяти лет умел это делать). Зимой на этих трубах грелись бездомные кошки, а иногда и люди-бомжи (формально тогда бомжей в Москве и в СССР не было и быть не могло, но бездомные люди-скитальцы все же напоминали о себе иногда). Прямо по трубам можно было выйти к небольшому дворику и через него сразу к храму Петра и Павла в Петропавловском переулке. Когда-то здесь располагался двор касимовского царевича Сеид-Бурхана, а также, говорят, были постройки дворов других князей татарского происхождения: Урусовых и Мещерских.

«Ворота» — это уже непосредственно территория внутри двора 16/2 под въездной аркой¹ между пятым и шестым подъездами. Сами железные ажурные ворота тогда еще были (да, они вообще когда-то были!). Только ворота эти никогда не открывались (проезд для машин внутрь двора производился исключительно мимо училища и той самой помойки). Это по сути тупиковое место облюбовала детвора для своих динамичных игр — прежде всего в футбол, но можно было там поиграть и в классики, в салки или в тому подобные.

¹ Подросший Юрка уверял потом родителей, что первый отпечаток в его зрительной памяти связан именно с этим сакральным местом. Якобы он помнит, как грудничком лежит с соской на спине в детской коляске и рассматривает снизу вверх ту самую подложку архитектуры ажурной арки у ворот.

«Щель» — в принципе закрытый тогда (но не для детей!) метровый проход между домом (там, где был первый подъезд) и зданием медучилища. Это был самый наикратчайший путь со двора в Подколокольный переулок. В давнишние времена здесь примыкала к усадьбе боярина Головина (еще не Хитрово, тот купил усадьбу только в 1822 году) каменная домовая церковь постройки конца XVII века. Она сильно пострадала при нашествии Наполеона, но была вновь отстроена. В конце XIX века в подклети под ней существовала столовая для бедных, а сама усадьба с 1889 года, по завещанию последних хозяев усадьбы Орловых, перешла к Московскому попечительству Императорского Человеколюбивого общества, которое организовало в ней Орловскую лечебницу (опять же для бедных). Снесли церковь в 1932 году, когда по проекту архитектора И. А. Голосова началось строительство первой очереди «дома со статуями» для Военно-инженерной академии им. Куйбышева. Аккурат на месте каменной галереи нижнего этажа той давно снесенной церкви и образовалась впоследствии описываемая здесь «щель».

Еще часто посещаемым местом мелких пацанов была придомовая уличная территория вдоль Яузского бульвара, не имевшая определенного названия, но иногда это звучало как: «идти на бульвар» (хотя на сам бульвар ребятишки как раз и не выходили). Там росли средней величины тополя (доходившие своими ветками прямо до Юркиного четвертого этажа). В конце этого частично озелененного клина находился примечательный деревянный ларек приема стеклотары, за которым в огороженном закутке складировались пустые ящики. Эту припрятанную на время приемщиком тару часто уворовывали мальчишки для игровых нужд (включая разведение костра). Тем более что от ларька их можно было легко перебросить через забор прямо на территорию визуальной невидимости для редких уличных прохожих Татарки.

Единственным местом терра инкогнита для детской компании долго оставалось само здание особняка медицинского училища — трехэтажного дома с колоннами. Юрка как-то спросил у родителей, кто такая была эта Клара, в честь которой названо близлежащее учебное учреждение. Получил он от них тогда противоречивые пояснения. Мама, которая как раз наводила мосты, чтобы трудоустроиться туда вместо своей больнички (до которой чуть ли не целый час надо добираться с пересадками на трамвае) — ответила по учебнику:

— Клара Цеткин — это немецкая коммунистка, активистка в борьбе за права женщин во всем мире, именно она придумала праздник Международный женский день 8 марта.

Папа Боря хмыкнул и выдал свои знания на этот счет:

— Это одна высокоморально-лицемерная старушенция. Сама в сорок лет женила на себе двадцатилетнего студента-художника, а потом в пух и в прах разругалась с лучшей подругой Розой Люксембург, когда та сделала то же самое, но уже с ее двадцатилетним сыном...

Наверное, ребята еще долго бы собирались на разведку в особняк, если бы их к этому не подтолкнул один случай. Однажды ближе к вечеру Юрка застал во дворе около училища любопытную картину: слева от «колонн» сидела кучка детей от пяти до двенадцати лет и упорно пялилась на окна нижнего этажа (в данном месте этот этаж был цокольным). Мальчик тоже присоединился к своим друзьям и знакомым. В медучилище занятия проводились не только днем, но и для вечерников. Поэтому ребята часто могли наблюдать, как там идут занятия, особенно в этом полуподвальном этаже и особенно по вечерам, когда в аудитории горел свет и все происходившее внутри было хорошо видно снаружи. Если в перерыв лекций постучать к ним в окошко и попросить мела, то будущие фельдшеры с удовольствием через форточку кидали детям этот дефицит (для дошколят других источников добыть мел не было).

В данном случае для своих студентов (сейчас бы сказали — колледжа, но тогда медицинское училище было по статусу чем-то средним между техникумом и ПТУ) преподавательница продемонстрировала процесс... родов. В одной руке у нее была кукла-пупс с приклеенной к ней трубочкой пуповины, а в другой руке — натуральная женская тазобедренная парная кость. Врачиха демонстрировала разные варианты, как плод может выходить из роженицы.

Юрке в его семь недавно исполнившихся лет, как и большинству детей, все это действие было бы совершенно непонятным и в данной ситуации лишь «прикольным», если бы среди «общества» не затесалась одна старшая всезнающая девочка, которая уверенным голосом доходчиво комментировала происходящее при показе в классе. Студенты (преимущественно женского пола) с интересом наблюдали за реакцией детворы, им тоже было прикольно, что они на этом уроке не одни. Видела это и преподавательница, но сделать ничего не могла (штор или занавесок на окнах не было, а внутреннее искусственное освещение позволяло снаружи рассмотреть все в деталях). Преподавательница старалась не смотреть в сторону окон, изображая, что ей ничего на этот счет не известно, да и дети ей в ее занятиях не помеха.

После такого наглядного урока и особо после дополнительных пояснений от старшей продвинутой девочки Юркина компания вмиг созрела, чтобы завтра же проникнуть внутрь здания училища. Если так много интересного можно увидеть снаружи, то чего только не увидишь изнутри?! Наверное, там есть даже скелеты! Вот только как большой оравой туда войти? Есть ли там на входе вахтер? Что сказать, если их начнут спрашивать: «Зачем вы тут?»

Юра благоразумно предложил идти туда не всем скопом, а по парам и даже лучше, если в разные дни. Ребята его поддержали. Кому же пойти первыми? Кинули жребий. Он выпал на Цаплю и на Труса (последнее время эта кликуха прикрепилась к шуплону Петьке, хотя многие продолжали его называть Воробышком или Воробьем).

В оговоренное время, когда у студентов-медиков не было перемены и они, как обычно, не тусили у входа, два мальчика робко подошли к входной двери училища. Остальные ребята из их компании наблюдали издали, аж от помойки. Юра понимал, что дверь придется открывать именно ему: Петюня по натуре не готов к такому самостоятельному шагу. Открыв одну дверь, а за ней сразу еще и вторую, пацаны вошли внутрь здания. Никакого поста с вахтером, на их счастье, здесь не было предусмотрено. Странно, а Серега всех уверял, что охрана должна быть в медучреждении обязательно — ведь «там же спирт»!

Немного осмотревшись, мальчики пошли по длинному коридору сначала направо. Коридор петлял, но скоро привел их к небольшой зале, где на постаменте стоял... Нет, не скелет — лучше! Там стоял рыцарь в доспехах! Чучело в настоящих латах, в рыцарском шлеме. Видимо, достался медикам в наследство еще с тех пор, когда здесь проживали разные там князья Головины и Щербатовы. Пацаны со страхом, что их сейчас обнаружат и прогонят, постарались максимально внимательно рассмотреть постамент с «железным человеком».

Наконец, они решились двинуться дальше. А дальше была скромная лестница на второй этаж — поднялись по ней (вообще-то это был уже флигель). Ничего особенного: коридорчик, много маленьких комнат с вывесками (типа «Методический кабинет») и одна большая, где через приоткрытую дверь можно было увидеть сам учебный процесс. Мальчики по очереди глянули туда через щель: все учащиеся усердно заняты написанием чего-то, возможно, у них контрольная... Тогда это не интересно.

Ладно, пошли назад, в другое крыло здания, там тоже была лестница, но уже парадного вида. Во время подъема по ней их и застучал какой-то щербатый детина в синем халате (вообще-то в училище и преподаватели, и учащиеся — все поголовно носили белые халаты).

— Вы тут к кому идете, пацаны? — поинтересовался дядька.

Разумеется, мальчики ошолбенели. Ситуация с их поимкой была предсказуемой, однако они к ней никак не подготовились и слова для отмазки еще не приготовили. Первым тем не

менее отреагировал Петя Воробей, ответив дурацким вопросом на уже заданный им конкретный вопрос:

— Дяденька, а мы где?

— А куда вам, собственно, надо?

Юрка после первого шока (спасибо, Петька как-то на минуту разрядил обстановку) сделал свой спонтанный ход:

— Дяденька, а вам котенок для опытов не нужен?

Почему возникла идея с котеночком? Мальчик потом и сам понять не мог. Год назад во дворе нашелся беспризорный котенок. Тогда каждый из ребят сделал попытку принести его к себе домой, чтобы одомашнить... Однако все мамы дружно им в этом отказали:

— Наши квартиры коммунальные, а без согласия соседей держать животных в таких квартирах запрещено!

Возможно, память о тех событиях у Цапли теперь и сработала.

— Вы, что же, живодеры? Для опытов животных отлавливаете? Может, еще и за деньги?

— Да нет, просто пытаемся чужих котят по людям пристроить. Никто не берет, — врал дальше Юра, — а про опыты я так просто брякнул, вы же не будете их резать ножиком...

— Мы тут никого не режем, запомните это и передайте другим! Даже мышей! Ну, разве что если лягушкам лапки ампутуруем с целью демонстрации физиологических процессов. Мы тут учим наших будущих медсестер и медбратьев латыни, между прочим. Да еще фармакологии. Ну и лишь немного рассказываем, как уже режут по живому врачи-хирурги. Сами же в аудиториях дальше уколов молодых не тренируем. Другое дело, когда у наших ребят практика начнется в больницах — вот там им все и покажут по живому, на натуре, значит. Вот так-то! Как вас звать? Юра и Петр? Сами местные? Короче, приносите мне вашего кота — спросите дядю Васю, завхоза. Вам тут всякий покажет. А пока валите отседова, раз я добрый.

— А что вы будете с котеночком-то делать?

— Что делать? На довольствие поставлю. Мышонка давеча на складе видел. А это не дело. Воспитаю вашего «кота Котофеевича», чтобы ловил их, бестий. Вот и будет нам обоюдная польза. Да и люблю я их, «Котофеевичей»! Ласковые они, стервы, нервы успокаивают...

* * *

Вернувшись к своим, Юрка с Петрухой сразу заважничали: они же почти все здание смогли разведать, видели рыцаря, да еще с завхозом дядей Васей теперь закорешились. Вот бы еще ему котеночка раздобыть? Никто не слышал — может, кто таких как раз раздает?

— Нет, в нашем доме это безнадега искать. Никто кошек и собак у нас не держит. Все же наши в основном временно тут живут, на чемоданах, в коммуналках. А генеральские кошками тоже брезгают. Можно на «трубах» поискать, там вполне возможно каких-нибудь котят отыскать. А еще давайте в старых домах поспрошаем вокруг Хитровской площади (почему-то никто из местных не называл ее так, как это в то время было положено: «площадь Максима Горького») — там, я видел, много кошек живет. Не то чтобы их тут сильно любят, просто эти дома — основные рассадники в районе клопов, тараканов, мышей и крыс.

Клопы с тараканами встречались и в квартире у Юры, но как-то без мышей обходились...

— Пацаны! Идея! Надо объявление на тех домах развесить! «Возьмем в хорошие руки котенка! И далее номер телефона». У меня бумага и клей дома есть. Кто сможет без ошибок по-взрослому написать? — Юрка аж подпрыгнул от собственной гениальности.

— Я могу старшую сестру попросить написать, — поддержал Петька.

Ура! В этот же день все так и сделали. Воробей уломал сестру написать десяток объявлений, и пацаны с большим энтузиазмом все это расклеили на входных дверях близлежащих

домов Хитровской «провинции». Номер телефона вписали Юркин — его идея, ему и заканчивать.

Однако за три дня не было ни одного звонка про котят, хотя парень все эти дни честно продежурил у своего телефонного аппарата в квартире. Видимо, котята пока не родились...

* * *

Скоро судьба свела Юрку с девочкой с «помойки». На самом деле этот эпизод стал трагическим отражением их жизни в тесном контакте с нищим хитрованским сословием.

Наташу, девочку пяти лет, привели к ним во двор какие-то собственные дворовые девочки. Одна из них через родителей (знакомых между собой по работе) шапочно знала Юру, поэтому нашла в себе смелость обратиться к нему и его шайке:

— Юрка! Надо помочь этой маленькой девочке. Ее выгнали родители из дома, живет в том самом доме, который у нас сразу за медучилищем находится. Мы ее нашли там плачущей, привели сюда, а что теперь дальше с ней делать? Папка пьяный грозил ее убить, она еле-еле из дома убежала, пока он падал там, гоняясь за ней.

— Вот как? Тебя как звать, девочка? Наташа? Часто твой папка буянит у вас? Часто? Ты кушать хочешь? А ну, пацаны! Неси все, что дома съестного найдете, — надо покормить малышку! Да, можно бутерброд. Мамины пирожки? Это вообще блеск, тащи их. Только не говорите никому, что эта голодная девочка брошенная... Тогда наши родители могут в милицию позвонить. А нам сначала надо разобраться, как там у них на самом деле. Может, еще ничего страшного. Может, все обойдется без милиции, без кипежа, как говорит Серега.

Ребята кое-что принесли из съестного, даже бутылку молока нашли. Зареванная Наташа поела со стеснением и в кругу спасавших ее от грозного бати доброжелательных детей соседнего двора немного успокоилась, уже не плакала. Что дальше? Как раз пришел ранее отсутствовавший во дворе Серый и сразу перехватил у Цапли инициативу:

— В разведку надо к ней домой пойти, посмотреть: что к чему. Я сам пойду, это дело ответственное. Пьяного нашего соседа я постоянно вижу, привычный к этому делу. Может, поговорю там по-свойски. Девочка, ты с кем живешь? Кроме папки мама у тебя есть? А дедушка или бабушка имеются? Старшие братья-сестры? Ну, ничего. Можно сказать, полная семья из трех поколений. Раз старшая сестра есть, значит, папаня еще никого не прибил у вас ранее. Он кем работает? Не понимаешь, что есть «работать» — мала еще совсем... А в тюрьме папка твой не сидел, случаем? Нет? Ах, дед сидел... Понятна ваша житуха. Комнат у вас в квартире сколько? Все в одной спите? Ну, оно на то и видно. Табор... Вы, случаем, не цыгане? Национальности вы какой? Не знаешь того...

— Серый, ну сколько можно ее допрашивать? Вон уже опять слезки на глазах появились. Пошли вместе к ней, я на атасе постою. А то как бы он тебе спяну голову не свернул.

К их приходу отец Наташи уже успокоился после буйства и спал сном праведника. Мать после того уже выходила раз во двор поискать дочку, а не найдя, немного забеспокоилась — послала на новые поиски деда и старшую дочку. Узнав, что с Ташкой все в порядке и она сейчас с детьми в соседнем дворе — мамашка совсем успокоилась. Глядя на «резиновую» комнату в пятнадцать квадратных метров по площади, где на двух топчанах и сундуке ютилось все Наташино семейство, проживавшее в двенадцатикиомнатной коммуналке второго этажа, у Сереги с Юркой екнуло сердце: вот тебе и социализм — все как в «На дне» у Горького...

Пока мальчики разговаривали с матерью и с их бабкой (тоже не вполне трезвыми), вернулась с неудачных поисков старшая сеструха лет девяти, не более того. Увидев, что присутствовавший там Юрка лишь молчит, а говорит со старшими один только Серый — девочка

взяла парня за рукав и куда-то повела на нижний этаж. Там из-под лестницы она вытащила из укромного места полосатого котенка и протянула его Юре:

— Вот, из-за него все было. Натаха нашла его на улице и принесла домой, а папаня от вида «блохастого» взбесился весь. Он не всегда такой разгром устраивает дома. Он вообще хороший, добрый... Забери кота от греха, отнесите его на помойку или куда еще выбросить. Я сама-то не смогу...

* * *

Завхоз дядя Вася очень обрадовался «полосатику» и, подняв его над собой для определения пола, сразу же обозвал кота:

— Васяней будет.

Юра тогда еще подумал, что котенка ждет, видимо, намного лучшая судьба, чем у соседской девочки с «помойки»...

Роковой день — бедный, бедный Стасик...

Минула середина октября того самого юбилейного революционного 1967 года. Прошел всего-то месяц, как Юрка со Стасиком вместе самостоятельно гуляли до Красной площади в поисках Царь-пушки. За этот месяц много воды утекло...

Юрка по-настоящему погрузился в занятия в школе. Первую неделю его туда отводил отец, а забирала мама. И хотя практически всех детей-первоклашек тоже сопровождали в школу родители (некоторых даже утром на автомобилях завозили обеспеченные родители) — ничего постыдного в этом факте не было. Однако мальчику было жаль потерянных мамой рабочих часов. К тому же ей все время приходилось отпрашиваться или договариваться о подмене с другими врачами на работе, чтобы только вовремя приехать днем за сыном в школу.

Наконец, мальчуган не сдержался и честно поведал родителям про ареалы своих путешествий по ближайшим от них районам Москвы. Мама, конечно, пришла в ужас от этой правды и долго ругалась — ей не нравилось, что ее так долго обманывали и водили за нос. Папа же задал ряд уточняющих вопросов. Сначала по географии исследованных сыном городских районов, а потом еще по правилам дорожного движения для пешехода. В итоге он резюмировал: ходить в школу и возвращаться домой их сын теперь будет один, помощь родителей ему в этом деле абсолютно не нужна.

Увидев, что Цаплю родители перестали сопровождать в школу, Вадька и Серый также быстро у себя дома решили этот логистический вопрос. Они теперь могли утром встречаться втроем в восемь часов на выходе из арки и потом, дружно перейдя по зеленому светофору Подколокольный переулок, идти дальше исключительно по тротуарам в школу без взрослых (было еще одно пересечение проезжей дороги в Малом Вузовском переулке, но там машины были крайне редким явлением, а светофор отсутствовал напрочь). Иногда параллельно с их ватагой под охраной бабушки или мамы дефилировала также одноклассница Оля, которая явно завидовала полной свободе знакомых ей мальчишек. Сначала девочка в этом пути утром никак не пересекалась с мальчиками, но потом догадалась, что им с бабушкой просто надо выходить на десять минут позже — тогда их «случайные» встречи будут неминуемыми.

До начала учебы в школе она была мало знакома с этими мальчиками, но разве что с Юриком, с которым под присмотром молодых родителей они давным-давно часто играли вместе в песочнице. Но это было в другой жизни, а вот «взрослыми» во дворе особо в играх они уже не пересекались, поэтому бывшее знакомство как-то расстроилось... Теперь появилась возможность подружиться еще и с Вадиком. Сергей-Серый ее мало заинтересовал, тем более что бабушка называла этого мальчугана вульгарным и нахальным. В ее классе «А» из этих троих мальчиков учился только Юрка Цапля — с ним-то она и села за общую парту, когда учительница велела первоклашкам садиться парами, то есть мальчик с девочкой. Юре, кажется, было все равно, с кем из девчонок сидеть, раз нельзя было это делать с мальчиками.

Буквально на второй перемене первого же учебного дня он сильно подружился с Витей-Витахой. У них как-то сразу нашлись общие интересы и сошлись взгляды на многие вещи. Витаха Гудман жил в Подкопаевском, в самом жерле бывших ночлежек Хитровки. Как-то так получилось, что скоро в обратный путь домой из школы Юрка стал сопровождать своего нового друга. По дороге они много трепались, а дойдя до Витькиной квартиры, получалось так, что обязательно надо бы зайти к нему в дом, ну а там хоть немного вместе перекусить (Витькина мама Юля была крайне гостеприимной женщиной и обычно оставляла утром обед сыну с порцией на двоих...). И только уже часа в три дня Цаплин, наконец спохватившись, перемещался к своему дому, где его уже ждали дворовые ребяташки. Переодевшись, Цапля выходил, наконец, к ним со своим мячом, чтобы вдоволь наиграться в штандер или футбол.

Так, наверное, вся их жизнь и тянулась в монотонной обыденности, если бы не случился трагический несчастный случай, сильно повлиявший на многих детей со двора.

* * *

Во дворе «дома со статуями» была особая точка притяжения для ребят младшего возраста, там постоянно кто-нибудь ошивался. При том что большинство детей от пяти до десяти лет параллельно перемещались по самому двору и его окрестностям в режиме броуновского движения. Но именно эта точка была зоной застоя, перекрестком для всех внутренних путей-дорог. Находилась она внутри округлого пространства двора, рядом с площадкой, что около плотно закрытых въездных ворот и высокой арки дома.

Сюда, «у ворот», на это место одновременно выходили двери четырех подъездов «дома со статуями» — с четвертого по седьмой. Кроме того, рядом с четвертым подъездом, как уже говорилось раньше, на стене была подвешена массивная пожарная железная многотонная лестница. Она сама по себе тоже притягивала к себе пацанов, служила местом постоянных тусовок: кто-то пытался на нее только вскарабкиваться, а кто-то при наличии публики (особенно в присутствии девочек) осуществлял по той лестнице небольшие подъемы вверх. Большинство мальчишек просто тренировались в подтягиваниях на нижней перекладине.

Здесь же была небольшая надстройка для входа со стороны третьего подъезда в подвал, на которую с учетом присутствовавшего здесь склона удобно было забираться со стороны четвертого подъезда. Зачем? Чтобы посидеть на ее крыше, как на скамейке (например, с целью понаблюдать за игрой ребят в футбол «у ворот»). Сидячая площадка на поверхности этой надстройки была вполне достаточной, чтобы там могли без труда разместиться не менее пяти тел. Причем облюбовали ее не только мальчики, но и девочки всех возрастов.

Итак, как-то в среду 18 октября на этой точке притяжения сконцентрировалось по меньшей мере пяток дитятков, преимущественно дошкольного возраста. В отсутствие своего старшего товарища Юрки малолетка Стасик тоже примкнул к этим ребятам.

Первоклассник Юра, не сам, а через родителей, получил в тот день приглашение на день рождения к своей однокласснице Оле, и вместе с еще пятью приглашенными одногодками они сейчас тусили на втором этаже в ее просторной отдельной (а не коммунальной) трехкомнатной квартире, что была рядом в пятом подъезде.

Довольный Олин папа показывал ребятам детские мультики на собственном кинопроекторе. Это чудо, ведь и двухпрограммный телевизор не в каждой семье тогда имелся, а тут как в кинотеатре: настоящее кино, только немое. Бабушка именинницы развлекала детей разными досоветскими шарадами и рождественскими играми типа: зажмурься и отрежь ножницами подвешенные на веревочках шоколадные конфеты или сувенирчики. Дети просто визжали от восторга! Столько нового и необычного! Мальчики преимущественно балдели от факта кинопроектора и от возможности самим выбирать пленки с мультфильмами, а девочки — от самого факта какой-никакой, а «взрослой» вечеринки с мальчиками!

Все это дикое веселье длилось до момента, когда с работы не приехала, наконец, мама девочки Оли и не сказала новость (не сразу осознанную Юркой):

— У нас тут рядом во дворе пожарная лестница оборвалась, кажется, кого-то из прохожих зашибло. Там машина скорой помощи стоит, еще машина милиции и пожарные приехали. В общем, какой-то ужас происходит! Меня еле-еле в наш подъезд с улицы пропустили. Все оцеплено, никого внутрь двора не пускают. В общем, детки наши дорогие, сидите тут, играйте, угощайтесь пирогами, но пока ваши родители за вами не смогут прийти — мы вас одних никого не выпустим...

* * *

За час до того

Пока малыши привычно мирно носились по площадке «у ворот», играя таким образом в салки, к месту восхождения на пожарку (пожарную внешнюю лестницу) прибыло трое более взрослых мальчуганов во главе с Мишкой Циркачом. Они громко между собой о чем-то спорили, и это постоянно заставляло Мишку «самовыражаться» с ними на матерном диалекте. Смысл его речи был примерно такой: «Вы меня на слабо не берите! Все во дворе видели, как я по другой такой же лестнице, словно моряк парусного флота, взобрался на самую что ни на есть крышу дома и помахал всем оттуда?! Эта лестница точно такая же. Нет, она, пожалуй, еще проще. Если надо будет, я по ней хоть сейчас на седьмой этаж залезу и даже по межэтажному выступу к соседнему окну дотянусь. Оттуда уже Маринке в окно без проблем могу постучать, да так, что она потом от страха заикаться начнет. Мне это раз плюнуть. Просто чего ради мне это делать теперь? Какая моя с того выгода будет?»

Парни продолжали подначивать Мишку, завлекая в том числе и материальными благами: «А вот рубль, смотри — отдаю!», «А у меня новый юбилейный полтинник с Лениным имеется — сделаешь, тогда забирай насовсем!», «Да не полезет он, мы же видим, что у Михи поджилки трясутся. Там еще в сторону окна надо будет лезть, а не только подняться по лестнице. Нет, обосрется — не полезет», «За что тебя только Циркачом прозвали, Срачом надо было!»

Мишка покрутил им пальцем у виска.

— Вы чего, смеетесь?! Вы мне велик дайте, и то я еще подумаю, а тут рванный рубль с монеткой, и нате вам — сверни, пацан, за это свою шею! Неравноценно!

— Что же ты хочешь? Что тебе тогда мы можем дать в премию? Великов у нас нет.

— А вот что! На спор! Если я сделаю, что сейчас предлагаете — то вы снимете тогда портки свои и так завтра выйдете из класса на всю перемену после третьего урока! Это еще не все! Когда вас дома родители за этот фортель выпорют по самое не горюй, то пойдете к нашей Маринке, поплачетесь ей и договоритесь, чтобы она ко мне на свиданку пришла. Одна. Как уговорите ее на это? А мне... Вот вы тогда ей свое богатство и предложите, свой рубль с копейками. Посмотрим, что у вас получится... А не получится позвать Маринку на свиданку — до Нового года моими рабами станете и будете все выполнять то, что я повелю! Портфель мой в школу и обратно носить будете. Да не в руках, а в зубах, как собачки!

— Ты что, дурак! Не будем мы на такие условия соглашаться!

— Ну вот вы и проиграли, ссыкуны. Значит, сами не сомневаетесь, что я залезу и в окно Маринке постучу! Иначе бы сразу на мои условия согласились!

— Ничего мы не ссыкуны... А давай — залезай! Согласные мы. Только коли не сделаешь или не полностью все это сделаешь — сам тогда завтра штаны снимешь на перемене!

— А идет! Не знаете еще, с кем связались! Эй, шобла малолетняя, идите все сюда. Слышали наши условия спора? Свидетелями будете — давайте, разбейте нам руки!

Разбивал один Стасик, но и этого было достаточно.

Через пять минут после разминки Мишка закатал снизу свои штаны, перетер в ладонях какую-то пыль земную. Затем он снял с себя школьный серый пиджак и приготовился безапелляционно, по-честному выигрывать спор с задачей испугать какую-то там домашнюю девочку-одноклассницу Марину, прилежно делающую сейчас, видимо, в своей квартире на седьмом этаже домашнее школьное задание.

* * *

На высоте шестого этажа, когда Мишке уже оставалось для одержания победы совсем ничего — железо на лестнице неожиданно заскрипело, да таким страшным скрипом, который, наверное, слышали в войну только моряки на подводной лодке при прохождении тросов, удерживающих под водой противокорабельные мины. Жуткий, дьявольский скрип, от которого у всех его слышащих людей побежали по телу мурашки и холодки.

Это сначала вышел из верхней скобы проржавевший болт, после чего под тяжестью тела Мишки верхняя часть лестницы начала медленно отклоняться от стены. Болтовые крепления из низкосортного металла (возможно, еще выплавленного до эпохи исторического материализма), которые в течение тридцати с гаком лет после строительства этой части дома постоянно испытывали коррозию от ветра, дождей и снегов, которые никто никогда не подкрашивал — одно за другим начали расходиться, добавляя в общую гамму шумов такие же ужасные собственные скрипы. Однако на этом этапе лестница еще не потеряла полностью остойчивости и своей вертикальной ориентации. Она только чуть-чуть искривилась у шестого этажа и при этом начала как-то неприятно вибрировать, постепенно увеличивая амплитуду раскачки и добавляя в гамму шумов еще и низкочастотный, проникающий в сердце хрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.